

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Если мы раскроемъ географическую карту и сдѣлаемъ по ней приблизительный расчетъ, сколько на земномъ шарѣ обитаетъ цивилизованныхъ народовъ и въ какой пропорціи они относятся къ племенамъ дикимъ, то мы убѣдимся, что двѣ трети населенія земного шара находятся еще въ чисто-варварскомъ или полу-варварскомъ состояніи. Начиная отъ звѣроподобнаго фиджи, съѣдающаго съ особеннымъ аппетитомъ своего стараго отца, и до культивированнаго араба, занимающагося грабежемъ на большой дорогѣ, лежатъ тысячи градацій человѣческой дикости, безчисленное множество отгѣнковъ, отдѣляющихъ бушмена отъ европейски-образованнаго человѣка. Но эта пропорція цивилизованнаго міра къ варварскому еще болѣе сократится, если мы поищемъ среди народовъ, пользующихся всѣми плодами цивилизаціи, — въ нашихъ европейскихъ городахъ и столицахъ, — тѣхъ дикарей, которые ничѣмъ не отличаются отъ бушмена и нерѣдко стоятъ еще ниже его въ умственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, отличается такой цивилизованный разбойникъ, какъ испанскій карлистъ, поджигающій церковь, наполненную народомъ, отъ такого невиннаго каннибала, который подстерегаетъ своего ближняго за кустомъ, чтобы убить и сожрать его? Не хуже-ли во сто разъ такія организованныя человѣческія боины, какими руководилъ Наполеонъ I, такихъ мелкихъ и случайныхъ убійствъ, которыя совершаютъ варвары между собою? Если цивилизація состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать человѣка возможно болѣе счастливымъ и возможно болѣе обезпеченнымъ въ своемъ счастіи, то надо признаться, что вліяніе ея пока еще ничтожно и путь развитія ея впереди длиненъ. Великій законъ международныхъ отношеній, формулированный въ половинѣ XVII вѣка теоретически, — законъ, по которому «каждая нація, желающая упро-

чить свое благополучіе, должна содѣйствовать благополучію всѣхъ другихъ», и до сихъ поръ остается теоретическимъ закономъ, невошедшимъ въ общее сознаніе и политическую практику. По крайней мѣрѣ, онъ практикуется въ совершенно обратномъ смыслѣ цивилизованнымъ Западомъ по отношенію къ полу-дикимъ племенамъ Востока.

Громадный азіатскій континентъ, на которомъ разбросано болѣе пяти-сотъ милліоновъ жителей, въ правѣ былъ-бы ожидать отъ образованной Европы тѣхъ благъ, какими гордится ея цивилизація. Японскій микадо, одинъ изъ самыхъ энергическихъ реформаторовъ нашего времени, совершившій великій переворотъ въ своей странѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ одномъ изъ своихъ декретовъ выразился такъ: «мы должны ожидать свѣта изъ Европы; она принесетъ намъ знаніе и силу», — и онъ отворилъ всѣ порты Японіи для иностранцевъ и снялъ запоры съ ея границъ для выѣзда своихъ подданныхъ во всѣ европейскія государства. Но такъ-ли думаетъ и дѣйствуетъ западная Европа относительно Востока? Несетъ-ли она туда знаніе и силу? Въ чемъ ея цивилизующее вліяніе на эти бѣдныя и рабскія племена, коснѣющія цѣлыя вѣка въ безъисходномъ мракѣ и неподвижности? Мы знаемъ изъ исторіи завоеванія Мексики, какими страшными злодѣйствами сопровождалось столкновение фанатической Испаніи съ туземными народами Америки. Костры и пирамиды изъ человѣческихъ головъ Тамерлана блѣднѣютъ передъ этимъ гуртовымъ истребленіемъ, которымъ ознаменовались первыя побѣды европейцевъ надъ краснокожими индѣйцами. Мы знаемъ, какъ дорого обошлось Индустану знакомство его съ англичанами; мы могли-бы указать на цѣлыя расы, исчезнувшія съ лица земли, благодаря той европейской цивилизаціи, отъ которой японскій микадо рекомендуетъ своимъ подданнымъ ожидать «знанія и силы». А между тѣмъ, онъ, этотъ микадо, совершенно правъ, приписывая европейской цивилизаціи тѣ гуманныя и прогрессивныя начала, въ которыхъ такъ нуждается окаменѣвшій въ своихъ традиціяхъ Востокъ; онъ правъ потому, что если-бы отношеніями западно-европейскихъ націй къ Востоку руководили другія стремленія, то цивилизація ихъ не вносила-бы въ восточныя страны ничего другого, кромѣ знанія, мира и развитія. вмѣсто пороха и ружей, вмѣсто рабства и завоеванія, водки, опиума и сифилиса, она могла-бы дать полу-дикимъ племенамъ свои лучшія учрежденія, свои школы и университеты, свои телеграфы, желѣзныя дороги, техническія изобрѣтенія, научить ихъ раціональному труду, экономической солидарности, однимъ словомъ, сообщить имъ весь богатый запасъ своей многовѣковой

опытности, культуры и своего высокаго образованія. Тогда, нѣтъ сомнѣнія, историческія судьбы Востока были-бы другія; онъ давно уже вышелъ-бы изъ своего рабски-коснаго состоянія и сотни милліоновъ людей, теперь прозябающихъ чисто-растительною жизнію, стояли-бы если не на одномъ уровнѣ съ европейцами, то въ положеніи, очень близкомъ къ нимъ. Нечего и говорить, что сумма человѣческой дѣятельности удесятерилась-бы, и стимулъ прогресса былъ-бы гораздо сильнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Теперь отсталость одной націи неизбежно оттягиваетъ назадъ и другія, точно также какъ прогрессъ большаго числа народовъ увлекаетъ за собою впередъ и остальные части человѣчества. Въ этомъ случаѣ солидарность подчиняется строго-соціальному закону взаимнаго воздѣйствія. Но, чтобы возвыситься до пониманія общечеловѣческой солидарности, политика западно-европейскихъ государствъ должна выйти изъ своихъ узко-эгоистическихъ и буржуазныхъ расчетовъ; не эксплуатація одного народа другимъ, не сила оружія, не тѣ отвратительныя явленія, какія мы и до сихъ поръ наблюдаемъ въ эксплуатаціи Африки европейцами, сблизжаютъ народы и оказываютъ имъ взаимную помощь и поддержку, а гуманныя сношенія, основанныя на принципѣ экономическаго равенства и политической свободы.

Какіе-бы перевороты не ожидали въ будущемъ Среднюю Азію, но историческая ея роль зависитъ отъ двухъ народовъ,—отъ Англіи и Россіи. Въ то время, когда Англія съ южной оконечности индѣйскаго полуострова подвигается на сѣверъ, Россія тяготѣетъ на югъ... Вотъ почему между прочимъ въ началѣ нынѣшняго года и парламентъ, и общественное мнѣніе англичанъ подняли такой шумъ по поводу новаго движенія русскихъ въ Средней Азіи. Когда англичане серьезно занялись этимъ давнишнимъ и тревожнымъ вопросомъ, породившимъ у слабонервныхъ тори особеннаго рода болѣзнь—*руссофобію*, когда они дѣлали одинъ запросъ за другимъ своему парламенту, читали публичныя лекціи, собирали митинги, издавали географическія карты, посылали экспедиціи, русское общество недоумѣвало, удивляясь, изъ за чего это горячатся и хлопчуть «просвѣщенные мореплаватели». А просвѣщенные мореплаватели и не менѣе просвѣщенные янки недоумѣвали, почему это молчитъ русское общество о такомъ вопросѣ, который всего ближе касается его и который сдѣлался вопросомъ для всей Европы. Какъ американцы, такъ и англичане, естественно, предполагали, что мы, обладатели Туркестана, интересуемся имъ не меньше, чѣмъ они; они хотѣли познакомиться и съ нашими взглядами, и съ нашими свѣденіями о Средней Азіи. Пріѣзжавшій въ Петербургъ изъ Индіи пасторъ Лонгъ читалъ даже публичныя лекціи объ Индіи

и хотѣлъ узнать, какъ думаетъ русское общество о Туркестанѣ; но онъ не добился отъ насъ никакого толку. Чудаки эти иностранцы! Въмѣсто того, чтобы недоумѣвать о молчаніи русскаго общества и предполагать тутъ какую-то заднюю мысль, имъ стоило-бы только обратиться съ нѣкоторыми вопросами къ нашей интеллигенціи, и причина молчанія объяснилась-бы немедленно. Оказалось-бы, что наши свѣденія о Средней Азіи простираются не далѣе того, что тамъ, у этихъ сартовъ и туркменовъ, водится отличная баранина, что отправляющимся туда выдаются двойные прогоны и хорошее жалованье. Съ этой точки зрѣнія насъ только и интересуеетъ Средняя Азія. А иностранцы воображаютъ, что русская пресса серьезно фразируетъ о нашей миссіи на Востокъ, что наше общество сильно занято русско-восточной политикой и сознательно участвуетъ въ ходѣ ея! Они и не подозреваютъ, что мы даже и не думаемъ и не помнимъ о существованіи цѣлыхъ обширныхъ провинцій, равныхъ, по своему пространству, всему ихъ гнилому Западу... При началѣ амурской колонизаціи, напр., мы года два сильно интересовались Амуромъ и много толковали о немъ, а потомъ предали его совершенному забвенію; Амуръ сдѣлался для насъ пустымъ звукомъ. Что тамъ творится, какъ идетъ колонизація, развиваются-ли промышленность и торговля,—все эти вопросы занимаютъ насъ гораздо менѣе, чѣмъ вопросъ о томъ, гдѣ-бы и какъ-бы достать свѣжихъ маргаритокъ для приподнесенія прощальнаго букета Патти. Одинадцать лѣтъ наша пресса безмолвствовала объ Амурѣ и только въ прошломъ году мы снова вспомнили о существованіи его, при извѣстіи о двухъ страшныхъ наводненіяхъ, которыя затопили, разрушили, снесли большую часть колоній, пашни, хлѣбные запасы и скотъ. А между тѣмъ на заселеніе этого отдаленнаго края израсходовано болѣе 50,000,000 р. сер.—Ну, что-жь?—а намъ что до этого за дѣло? Неудивительно послѣ этого, что во время крымской войны мы знали его географическое положеніе хуже, чѣмъ иностранцы...

Такъ относится къ вопросу о Средней Азіи масса російскихъ Подлиповцевъ. Люди, интересующіеся этой страной, и хотѣли-бы познакомиться съ ней поподробнѣе, да не изъ чего. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного сноснаго сочиненія о Туркестанѣ вообще, кромѣ кое-какихъ отдѣльныхъ статей по частнымъ вопросамъ, разбросанныхъ по журналамъ разныхъ годовъ. Изъ устныхъ разсказовъ и изъ литературныхъ повѣствованій такихъ джентльменовъ, какъ гг. Пашино или Костенко, узнаешь немного. Не очень-то богаты свѣденіями и «Матеріалы для Статистики Туркестантскаго края, изданіе Туркестантскаго Статистическаго комитета, 2 тома, Спб. — 1872

1873 г.». Однакожь, они пополняютъ нѣкоторые изъ многочисленныхъ пробѣловъ въ нашихъ свѣденіяхъ о Средней Азіи. Они, по крайней мѣрѣ, разъясняютъ намъ внѣшнюю сторону дѣла и даютъ тотъ сырой матеріалъ, которымъ можно воспользоваться впоследствии. И на томъ спасибо!

Въ будущемъ намъ предвидится имѣть дѣло съ обширною страной отъ береговъ Каспія и Урала до восточной границы бывшаго китайскаго Туркестана, до степи Гоби; отъ предѣловъ губерній тобольской и томской до линіи хребтовъ Гиндукуша и Кюэцлюнь. Страна эта немногимъ меньше всей Европы. Она раздѣляется на двѣ главныя части, сѣверную и южную, и линіей раздѣла можно считать 44 градусъ. Сѣверная часть только на своихъ окраинахъ, примыкающихъ къ Сибири, болѣе или менѣе способна къ культурѣ; большая-же часть ея пространства годится, да и то не совсѣмъ, для кочевой жизни скотоводовъ. Отсутствіе лѣсовъ, крайняя скудость травъ и прѣсной воды, солончаки и солончаковыя болота, пески, гибельные снѣжные бураны и гололедища зимой, лѣтомъ температура, одинаковая съ Константинополемъ, Триестомъ и Лиссабономъ, а зима на одинъ только градусъ теплѣе страшной зимы на Новой Землѣ. Большая часть пространства, лежащаго южнѣе 44 градуса, также представляетъ голую пустыню. Земли туркменовъ, обширныя песчаныя пустыни Кызыль-Кумъ, Батыкъ-Кумъ и другія—годны лишь для кочевокъ разбойничьихъ племенъ, между тѣмъ, какъ другая половина—ничто иное, какъ песчаное море, лишенное какой-бы то ни было жизни и только усѣянное костями людей и животныхъ, обозначающими направленіе проходящихъ здѣсь каравановъ. Безъ горъ обѣ половины Средней Азіи были-бы сплошной пустыней; но горы даютъ жизнь даже къ сѣверу отъ 44 градуса. Благодаря Алтаю и Тянь-Шаню, семирѣчинская область и китайскій Туркестанъ, съ ихъ озерами и рѣками, являются одними изъ лучшихъ мѣстностей Средней Азіи. Громадныя хребты горъ, Гиндукушъ, Болоръ, Тянь-Шань, Паропомизъ, оживляютъ и всю западную половину страны до Аральскаго и Каспійскаго морей. Текущія изъ горъ на западъ и сѣверозападъ рѣки Сыръ, Заравшанъ, Аму и проч. орошаютъ даже лежащую вдали отъ горъ пустыню и даютъ человѣку возможность создавать на ней цвѣтушіе оазисы, въ родѣ Бухары и Хивы. Въ горныхъ мѣстностяхъ обиліе лѣсовъ и влажность атмосферы позволяютъ заниматься земледѣліемъ безъ искусственнаго орошенія; а въ степяхъ воды рѣкъ посредствомъ безчисленныхъ

каналовъ отводятся въ разныя стороны и превращаютъ пустыню въ рядъ обширныхъ садовъ, изъ которыхъ каждый окруженъ необозримыми песчаными равнинами, солончаками или-же хребтами бесплодныхъ горъ. Снѣжной зимы на этихъ оазисахъ почти вовсе не бываетъ; Аму-Дарья въ устьяхъ замерзаетъ на 1 мѣсяць, а въ среднемъ своемъ теченіи недѣли на двѣ; въ мартѣ земля покрывается уже зеленью, а лѣтомъ жары доходятъ до 45° R. и болѣе. Виноградъ, абрикосы, груши, тутовое дерево, хлопчатникъ растутъ свободно, не смотря на дурной уходъ за ними. Коканъ, Кашгаръ, Бадакшанъ, Бухара—лучшія мѣстности этого дикаго края.

Люди жили здѣсь во времена самой глубокой древности и земли, занимаемая теперь русскими, не переставали упитываться человѣческой кровью въ продолженіи нѣсколькихъ тысячелѣтій. Здѣсь во многихъ мѣстахъ и до сихъ поръ сохранились слѣды греческихъ колоній и походовъ Александра Македонскаго; эту страну опустошали и войска Чингиса и арабы; здѣсь былъ центръ великой монархіи Тамерлана, умершаго въ Самаркандѣ, гдѣ хранятся его мечеть, тронъ и гробница. Вся страна усыяна развалинами городовъ, водопроводовъ, буддійскихъ монастырей, — развалинами, свидѣтельствующими, что опустошительныя войны не прекращались здѣсь цѣлые вѣка, истребивъ милліоны людей и превративъ снова въ пустыню тѣ мѣстности, которыя, посредствомъ упорнаго труда человѣка, покрывались культурной флорой и садами, окружавшими богатые города и деревни. Нисколько не преувеличивая дѣйствительности, можно сказать, что въ Средней Азіи пространство, заселенное теперь осѣдлыми жителями, занятое поселеніями, садами, пашнями, водопроводами, караванъ-сераями, гораздо меньше пространства, покрытаго развалинами и остатками прежней культурной жизни. Все свидѣлствуетъ, что войны, междоусобицы и грабежи, которые въ независимыхъ владѣніяхъ до сихъ поръ свирѣпствуютъ съ такой-же силою, какъ и во времена Александра Македонскаго, постепенно опустошали страну, которая становилась вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе пустынною и необработанною. Хива, напр., по лѣвую сторону Аму занимала прежде полосу обработанной земли почти въ три раза шире, чѣмъ теперь, и если эти земли, удобныя къ орошенію, вновь заселятся, то хивинское ханство можетъ давать торговлѣ до 3,000,000 пудовъ хлопка (Матер., II, 19). Опустошеніе страны и истребленіе какъ ея лѣсовъ, такъ и культурной растительности, не мало способствовало и постепенному ухудшенію ея климата. Воды ея постепенно высыхаютъ, уменьша-

ются, и существуютъ несомнѣнные доказательства, что прежде климатъ Средней Азіи былъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ теперь.

Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ человѣка, при мало-мальски сносной соціальной жизни, могъ-бы устранить многія естественныя неудобства этого края, но никакой правильный трудъ невозможенъ тамъ, гдѣ все дышетъ анархіей и живетъ грабежомъ. Постоянныя войны среднеазіятскихъ царьковъ между собой, междоусобицы безчисленныхъ претендентовъ на престолы, возстанія городовъ и провинцій или ихъ управителей противъ хановъ, разбойничьи набѣги кочевниковъ или воинственныхъ жителей осѣдлыхъ мѣстностей, баранта, разграбленія купеческихъ каравановъ—все это продолжается съ глубокой древности и можетъ прекратиться лишь съ полнымъ утвержденіемъ здѣсь европейскаго владычества. Воровство и разбой въ Средней Азіи—вовсе не пороки, а доблести и любимѣйшія занятія, о которыхъ поютъ матери своимъ дѣтямъ и которыми люди хвастаются другъ передъ другомъ, какъ киргизскій полковникъ Тезекъ, который съ гордостью говоритъ о себѣ: «когда я былъ молодъ, то подобнаго мнѣ вора и мошенника нельзя было во всей ордѣ отыскать!» Разбойничьи набѣги здѣсь одинъ изъ самыхъ главныхъ промысловъ, которымъ живетъ не только множество отдѣльныхъ личностей, но даже цѣлыя племена. Набѣгъ доставляетъ скотъ, товары, плѣнниковъ, человѣческія головы, за которыя щедро платятъ ханы. Главное разбойничье гнѣздо—это Хива, аристократія которой, представивъ земледѣліе рабамъ, занимается исключительно грабежомъ. Вамбери былъ свидѣтелемъ, какъ на главную площадь Хивы вернулись изъ похода 100 всадниковъ. «Каждый изъ нихъ велъ плѣнныхъ, между которыми были дѣти и женщины, привязанныя или къ хвосту лошади, или къ лукъ. Къ каждому сѣдлу было привязано по мѣшку съ отрубленными непріятельскими головами, такъ какъ онѣ служили доказательствомъ геройскихъ дѣлъ всадника. Прибывъ на площадь, всадникъ дарилъ плѣнныхъ хану или какому-нибудь вельможѣ, затѣмъ развязывалъ мѣшокъ, бралъ его за два угла и къ ногамъ пріемщика высыпалъ, какъ картофель, головы съ бородами и безъ бородъ. Слуги сталкивали ихъ ногами въ одно мѣсто, гдѣ скоро образовалась большая куча изъ нѣсколькихъ сотенъ головъ. Каждый герой получалъ квитанцію въ доставленныхъ головахъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого слѣдовала уплата отъ хана халатами.» Положеніе плѣнныхъ во всей Средней Азіи и особенно въ Хивѣ ужасное. Тотъ-же Вамбери присутствовалъ при слѣдующей сценѣ. «На наружномъ дворѣ я увидѣлъ 300 военноплѣнныхъ чаудоровъ; покры-

тые лохмотьями, измученные страхомъ смерти и голодомъ, несчастные походили на мертвецовъ, вставшихъ изъ гробовъ. Они были уже раздѣлены на двѣ группы: одни, недостигшіе еще сороколѣтняго возраста, назначались въ продажу или въ подарокъ; другіе считавшіеся вслѣдствіе положенія или старости аксакалами, должны были подвергнуться наказанію по опредѣленію хана. Первыхъ сковали по 10 и 15 человѣкъ вмѣстѣ и увели; послѣдніе, покорные своей участи, ожидали приговора; палачи пришли и потащили ихъ, какъ связанныхъ барановъ. Въ то время, какъ многихъ повели на висѣлицу или въ темницу, 8 старцевъ легли по одному знаку палача. Связавъ ихъ по рукамъ и по ногамъ, палачъ выкололъ имъ глаза; всякій разъ послѣ такой операціи, онъ становился на грудь ослѣпленнаго и обтиралъ объ его сѣдую бороду свой окровавленной ножъ. Ужасно было видѣть, какъ эти жертвы послѣ мучительнаго наказанія, освободившись отъ веревокъ, старались приподняться, ощупывая руками окружающіе ихъ предметы. Одни ударялись головами другъ о друга, другіе падали безъ чувствъ на землю и испускали глухой стонъ.» Эти мученики осуждены на самое жалкое, безнадежное рабство, которое въ настоящее время не имѣетъ нигдѣ столь ужаснаго характера, какъ въ этихъ странахъ. Главные поставщики рабовъ—кочевые туркмены, эти полудикія орды, которыя живутъ исключительно грабежомъ и разореніемъ сосѣднихъ странъ, преимущественно восточныхъ провинцій Персіи. На захваты плѣнниковъ они смотрятъ, какъ на благородный промыселъ и на священную обязанность; отправляясь въ набѣгъ, они получаютъ благословеніе своихъ муллъ, а погибшіе въ разбоѣ считаются героями и святыми. Въ каждой палаткѣ туркмена путешественникъ встрѣчаетъ одного или нѣсколько плѣнниковъ, которыхъ держатъ или въ надеждѣ получить за нихъ выкупъ, или продать въ сосѣднія мѣстности. Въ ханствахъ Хивы и Бухары торговцы рабами (*дагмафуры*) составляютъ правильно организованную гильдію. Въ Хивѣ въ каждомъ значительномъ мѣстечкѣ есть мелочной торговецъ, который находится въ сношеніи съ оптовыми работорговцами или беретъ товаръ на комиссію. Въ Хивѣ на 300,000 жителей считается 40.000 рабовъ, преимущественно персовъ. Узбеки, питая положительное отвращеніе ко всякому производительному труду, взваливаютъ его на невольниковъ, безъ которыхъ нѣкоторыя ханства, особенно хивинское, не имѣли-бы даже своего хлѣба. По свидѣтельству Вамбери, масса рабовъ находится въ болѣе ужасномъ положеніи, чѣмъ негры. Но, не смотря на это, отдѣльныя личности изъ персовъ и русскихъ, силою

своего умственного превосходства надъ варварами, успѣваютъ не только освободиться отъ рабства, но и дѣлаться вліятельными лицами. Въ Хивѣ, напр., начальникомъ артиллеріи недавно служилъ, а можетъ быть, служить и теперь, плѣнный русскій матросъ, Сергѣй Ивановъ, у котораго есть и мусульманскій гаремъ, и молельня, увѣшенная русскими иконами и заваленная церковными книгами (матер., II, 368). Но, выбиваясь изъ неволи, подобныя личности большею частію совершенно падаютъ нравственно и дѣлаются столь-же безчеловѣчными, какъ и ихъ господа. Множество самыхъ значительныхъ работорговцевъ изъ бывшихъ персидскихъ рабовъ. Чтобы зарекомендовать себя, эти рабы безчеловѣчно относятся даже къ своимъ собратьямъ и соотечественникамъ. Одинъ русскій, взятый туркменами, обращенный ими въ исламъ и усыновленный однимъ кочевникомъ, который поклялся не выдавать его русскимъ, — съ своей стороны, далъ торжественную клятву не измѣнять туркменамъ во время разбоевъ и нападеній на русскія суда на каспійскомъ морѣ, причемъ, для большаго увѣренія ордынцевъ въ преданности имъ, срубилъ съ одного русскаго плѣнника голову и началъ пить его кровь (ib., 356).

Даже въ самыхъ рабовладѣльческихъ мѣстностяхъ, напр., въ Хивѣ, рабы составляютъ меньшинство населенія, что совершенно естественно въ полудикой странѣ, большинство народонаселенія которой занимается не земледѣліемъ или другою осѣдлою промышленностью, а грабежомъ и отчасти скотоводствомъ. Такъ называемый туркменскій перешеекъ, между морями каспійскимъ и аральскимъ, занятъ кочевниками, которыхъ считается до 900.000. Въ областяхъ акмолинской, семипалатинской, тургайской и собственно въ Туркестанѣ кочуетъ 2.200.000 киргизовъ и нѣсколько десятковъ тысячъ другихъ племенъ. Въ туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ изъ общаго числа народонаселенія на долю кочевого элемента приходится 1.085.000, а на долю полукочевого и осѣдлаго 375.000, т. е. $\frac{1}{5}$ (Мат., I, 123). Только въ трехъ южныхъ уѣздахъ (кураминскомъ, джизакскомъ и ходжентскомъ) осѣдлое народонаселеніе преобладаетъ надъ кочевымъ. Киргизскія степи — страна вполне скотоводческая, равно какъ и земли туркменовъ; туркестанское генераль-губернаторство имѣетъ также преимущественно скотоводскій характеръ и скота въ немъ полагается до 10.000.000 головъ, изъ которыхъ овцы составляютъ болѣе $\frac{8}{10}$. Самая природа страны поддерживаетъ это преобладаніе скотоводства надъ земледѣліемъ, и хотя земель, годныхъ къ воздѣлыванію, несравненно больше, чѣмъ ихъ воз-

дѣлывается въ настоящее время, но все-таки ихъ очень мало сравнительно съ величиной всей территоріи. Безводныя степи если и могутъ быть эксплуатируемы, то исключительно посредствомъ скотоводства. Въ горахъ, гдѣ земледѣліе можетъ существовать безъ орошенія искусственнаго, оно все-таки служитъ второстепеннымъ занятіемъ, такъ какъ большая часть здѣшнихъ мѣстностей удобна лишь для пастбищъ (ib., 50). Даже въ наиболѣе благопріятной для земледѣлія семирѣчинской области считается удобной для обработки земли 600.000, а неудобной 3.500.000 десятинъ. Составляя главный промыселъ страны, скотоводство находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Разведеніе скота и уходъ за нимъ носятъ грубый, первобытный характеръ; множество животныхъ погибаетъ отъ болѣзней, отъ недостатка корма и морозовъ зимой, отъ выгоранія травъ вслѣдствіе сильныхъ жаровъ лѣтомъ. Обработка животныхъ продуктовъ находится на самой низшей ступени развитія.

Кочевое населеніе, занимаясь скотоводствомъ и разбоями, даетъ изъ себя главный контингентъ и тѣхъ военныхъ людей, которые составляютъ дружины хановъ и многочисленныя воинственныя банды, принимающія такое дѣятельное участіе въ государственныхъ переворотахъ, войнахъ и междуусобицахъ. Интеллигенцію страны составляетъ осѣдлое народонаселеніе сартовъ и таджиковъ, частію арійскаго, частію смѣшаннаго происхожденія. Въ ихъ рукахъ находятся торговля, ремесла, земледѣліе, преподаваніе въ школахъ, они-же большею частію служатъ и муллами; но все-таки владычество надъ страной принадлежитъ и принадлежало до сихъ поръ не имъ, а узбекамъ и киргизамъ. Ханы Средней Азіи всѣ изъ узбековъ или кичаковъ. Въ Бухарѣ большинство населенія сарты, но владычествуютъ узбеки; то-же самое и въ Коканѣ. Изъ кочевниковъ здѣсь формируется что-то въ родѣ военной касты, которая имѣетъ политическое преобладаніе надъ осѣдлыми жителями, занимающимися мирными промыслами. Сарты, таджики и осѣдлые жители другихъ племенъ занимаются преимущественно земледѣліемъ. Основная форма землевладѣнія въ Средней Азіи общинная, но это община такого первобытнаго характера, такой полудикой формы, что спасти народъ отъ развитія безземельнаго пролетаріата не могла и не можетъ. Желать уничтоженія такого общиннаго землевладѣнія совершенно естественно, но смѣшивать форму съ принципомъ могутъ у насъ только такіе мудрецы, какъ, напр., профессоръ Севѣтовъ. Впрочемъ патріархальная средне-азіятская община сама собою разлагается, переходя въ индивидуальное владѣніе. Кто разводитъ на своемъ участкѣ садъ, стро-

ить домъ или засѣваетъ его дженнушкой (въ родѣ клевера), тотъ получаетъ его себѣ въ полную собственность. Вслѣдствіе такой легкости пріобрѣтенія поземельной собственности, община постепенно разрушается и въ настоящее время въ Бухарѣ вся земля, годная для земледѣлія, принадлежитъ уже частнымъ лицамъ. Земля очень дорога; въ чимкентскомъ округѣ, напр., десятина стоитъ отъ 120 до 180 р. Бѣднякамъ поэтому нечего и думать о землевладѣніи; имъ остается только или снимать землю въ аренду, или-же поступать въ батраки къ землевладѣльцамъ. Половина сартовскихъ земель обрабатывается такими наемными рабочими, большинство которыхъ не имѣетъ даже дома, а живетъ въ самыхъ отвратительныхъ мазанкахъ. Хлѣбопашество и садоводство, возможные безъ искусственнаго орошенія только въ гористыхъ мѣстностяхъ, въ долинахъ существуютъ лишь при помощи оросительныхъ канавъ. Всѣ эти оазисы изрѣзаны искусственными водопроводами, система которыхъ составляетъ жизненный нервъ страны. Земледѣліе находится въ патриархальномъ состояніи, хотя хлѣба производится съ избыткомъ и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ производиться его несравненно болѣе. Садоводство распространено обильно; всѣ города и селенія тонутъ въ зелени садовъ, въ которыхъ множество яблочковъ, грушъ, сливъ, винограда. Плоды составляютъ одинъ изъ главныхъ продуктовъ осѣдлыхъ мѣстностей. Не менѣе распространено и огородничество. Разведеніе хлопка постепенно усиливается и въ настоящее время Туркестанъ производитъ его болѣе 3.000.000 пудовъ (II. 510). Чрезвычайное изобиліе тутоваго дерева и превосходныя качества туркестанскихъ шелковичныхъ червей дѣлаютъ здѣсь очень выгоднымъ шелководство. Но оно, какъ и всѣ безъ исключенія другіе промыслы, находится въ первобытномъ состояніи. Невѣжество и анархія мѣшаютъ развитію промышленности и торговли. Пути сообщенія по степямъ опасны вслѣдствіе разбоевъ, жаровъ и песчаныхъ урагановъ, погребаящихъ цѣлые караваны; въ независимыхъ ханствахъ торговлю разоряютъ хищническія пошлыны; въ горахъ тоже разбои и ужасныя дороги по обрывамъ, скаламъ и облачнымъ вершинамъ; черезъ рѣки переправляются на шестахъ или привязавъ лодку къ лошадиному хвосту; противъ теченія ходятъ бичевой, не зная ни парусовъ, ни веселъ; когда русскіе, плывя по Аму, подняли парусъ, то всѣ хивинскіе рабочіе попадали отъ страха на дно лодки и кричали: «ай, шайтанъ, шайтанъ!» до тѣхъ поръ, пока не убрали парусъ. Вслѣдствіе такой неразвитости и соціальной анархіи, среднеазіатцы народъ не только не богатый, но даже и не-

достаточный. Между ними нѣтъ такихъ капиталистовъ и такого зажиточнаго средняго класса, какъ въ Индіи, Китаѣ, Японіи; а масса народа находится въ такомъ-же общипанномъ положеніи, какъ и въ этихъ странахъ. О внѣшнихъ удобствахъ жизни и говорить нечего. Дома строятся на живую нитку, тѣсны, грязны, употребленіе стеколъ неизвѣстно; улицы узки и города тонуть въ грязи; вода въ канавахъ полна всевозможныхъ нечистотъ и изверженій; болота, отхожія ямы, ничѣмъ неприкрытыя, гніеніе падали и разной драни, выбрасываемой на дворы и улицы, наполняетъ воздухъ заразительными міазмами. Множество туземцевъ страдаетъ отъ парши и проказы, которыя распространяются главнымъ образомъ каналами, вода которыхъ служитъ также для питья и омовеній и разноситъ по городамъ заразительныя нечистоты, глисты, солитеровъ и т. д. Изъ прокаженныхъ составляются цѣлыя колоніи отверженниковъ обоего пола, которые плодятъ такое-же потомство. Сифилисъ свирѣпствуетъ страшно. Кромѣ множества другихъ извѣстныхъ болѣзней въ родѣ лихорадокъ, оспы, холеры, есть еще одна мѣстная, — *ригита*. Болѣзнь эта состоитъ въ томъ, что подъ кожу заводится червь, достигающій аршинной длины. Все тѣло больного пухнетъ, начинаются лихорадочное состояніе и ломъ въ костяхъ, образуется нарывъ, и когда онъ прорвется, то въ немъ появляется головка червя. Паразита потихоньку вытягиваютъ; но если онъ оборвется, то размножается въ тѣлѣ въ огромномъ количествѣ, и больной страдаетъ ужасно (Мат., II, 113, 272 и др.).

Но что значитъ эта поражающая бѣдность, эта грязь, эти ужасныя болѣзни въ сравненіи съ нравственнымъ и общественнымъ состояніемъ народа, образчикъ котораго мы уже видѣли, когда говорили о невольничествѣ. Съ своими грубыми деспотами, съ грабительствомъ своихъ правителей, со своими земляными тюрьмами, въ которыхъ люди заживо съѣдаются клопами, съ своими ужасными казнями, съ ватагами шпионовъ, — ханства Средней Азіи представляются образцами самаго дикаго и необузданнаго деспотизма. И съ этимъ деспотизмомъ рука объ руку идетъ религія, такъ какъ всѣ ханы — покровители и защитники магометанства, а эмиръ бухарскій — папа Средней-Азіи. Жизнь до малѣйшихъ мелочей регулируется магометанскими догматами и главная обязанность полиціи состоитъ въ наблюденіи за выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ. Всякое незаконное дѣйствіе здѣсь преступленіе противъ религіи, а она караетъ жестоко. За кражу на сумму болѣе 2 р. полагается отсѣченіе руки; за убійство рубятъ голову; за соращеніе изъ магометанства и прелюбодѣяніе женщины, а также за

проституцію побиваютъ камнями; за пьянство наказываютъ плетью, до 300 ударовъ и т. д. Знаніе вѣры и посѣщеніе мечетей обязательно для всѣхъ. За этимъ наблюдаетъ родъ жандармовъ, *раисы*. Съ четырехвостною плетью въ рукѣ, раисъ объѣзжаетъ улицы и площади и испытываетъ людей въ вѣрѣ; невѣждъ, хотя-бы то были шестидесятилѣтніе старики, онъ посылаетъ въ школы учиться. Въ часы молитвы раисъ сгоняетъ всѣхъ въ мечети. Слѣдовательно, здѣсь не только обязательное школьное ученіе, но и религія внушается плетью. Тотъ-же *раисъ* наблюдаетъ за порядкомъ въ городѣ, за мѣрами и вѣсами на базарахъ, наказывая тутъ-же на мѣстѣ виновныхъ, по его мнѣнію, людей, и мужчинъ и женщинъ, плетью отъ 15 до 79 ударовъ. Для этихъ экзекуцій его сопровождаютъ полицейскіе служители. Раису-же приносятъ на своихъ мужей жалобы и тѣ жены, которыя чувствуютъ себя обиженными рѣдкостью супружескихъ ласкъ. Народныя школы и семинаріи, или медресе, въ которыхъ семинаристы учатся иногда лѣтъ тридцать, весьма многочисленны, особенно въ Бухарѣ, въ этомъ центрѣ магометанской учености. Но все это образованіе имѣетъ своею цѣлью одно поддержаніе и распространеніе мусульманскаго фанатизма, высшею ступенью котораго является юродство. Многочисленный орденъ юродивыхъ пользуется особымъ уваженіемъ, какъ классъ святыхъ избранниковъ. Безчисленные муллы, юродивые, хаджи, пророки, имамы, проповѣдники, святые мѣста, древнія мечети, священные ручьи и озера, встрѣчающіяся на каждомъ шагу могилы самыхъ разнородныхъ святыхъ, начиная отъ древнихъ апостоловъ ислама и кончая гробницею какого-нибудь туземнаго артиллерійскаго генерала (II, 340), — все это дѣлаетъ среднюю Азію самою фанатическою страной въ магометанскомъ мірѣ. До какихъ отвратительныхъ нелѣпостей доходитъ здѣсь шарлатанство муллъ и глупое ханжество народа, можно видѣть, напр., на знаменитомъ муллѣ Халифѣ Ніасѣ, о которомъ рассказываетъ Вамбери. Славясь своею святостью, онъ получилъ изъ Мекки разрѣшеніе читать народу священные стихи. Читая ихъ, онъ обыкновенно ставилъ передъ собою чашку съ водой, въ которую плевалъ по окончаніи каждаго стихотворенія. Эта слюна, пропитанная святостью словъ, продается потомъ, какъ цѣлебное средство противъ разныхъ недуговъ, тѣмъ, кто за нее больше даетъ. При такомъ фанатизмѣ и постоянномъ страхѣ то религіознаго проклятія, то кровожадной прихоти деспота, народная мысль скована до того, что правовѣрный боится о чемъ-бы то ни было самостоятельно думать. Самыя элементарныя понятія цивилизованнаго человѣка, если

они выходятъ изъ заколдованнаго круга религіозной рутинѣ, чужды этимъ порабощеннымъ умамъ. Достаточно сказать, что бухарцы всего лѣтъ десять назадъ предавались мечтаніямъ о томъ, что ихъ эмиръ и султанъ турецкій покорятъ всю землю и раздѣлятъ ее между собою!.. Ненависть къ невѣрнымъ и ихъ цивилизаціи не уменьшается даже послѣ того, какъ эти фанатики соприкасаются съ Европой и невольно признаютъ ея превосходство надъ собой. «Съ западныхъ предѣловъ Ислама, говоритъ Вамбери, — вплоть до отдаленныхъ восточныхъ границъ его, я слышалъ, какъ всѣ, исповѣдующіе исламъ, турки, арабы, персы, татары, узбеки, постоянно восхваляютъ добродѣтели и достоинства намагометанъ, ругая и осмѣивая при этомъ свои собственные недостатки. Они соглашаются, что человеколюбіе и справедливость составляютъ качества кафировъ, но все-таки съ сверкающими глазами прибавляютъ: «хваленіе Богу, что я мусульманинъ!»...»

Весьма многіе оріенталисты и путешественники восхваляютъ азійскихъ магометанъ за господствующія между ними чувства братства и равенства. «У магометанъ, говоритъ Борнсъ въ своемъ «Путешествіи въ Бухару», — нѣтъ различія между знатностью и бѣдностью: ханъ обѣдаетъ такъ-же просто, какъ и поселянинъ, и никогда не подумаетъ вкусить пищи прежде, чѣмъ раздѣлитъ ее между людьми, его окружающими» и т. д. Но это наружное равенство ничто иное, какъ укоренившійся обычай утонченной азійской вѣжливости, которая всегда уживается съ самымъ грубымъ рабствомъ. Тотъ-же ханъ, который ѣстъ съ бѣднякомъ, не задумается снести ему голову по одному капризу; богачъ, который обѣдаетъ съ нищимъ, только услаждается своею ролью великодушнаго кормильца и въ глубинѣ души презираетъ этого нищаго; сеиды, ходжи, киргизскіе султаны — *люди бѣлой кости* — съ истинно-азійскою заносчивостью взираютъ на людей черной кости; гласный и *рабъ*, повидимому, судъ мотивируетъ свои приговоры взятками или ходатайствами за виновныхъ почтенныхъ людей; рабство женщины, рабство плѣнниковъ, отверженность всѣхъ немусульманъ, поголовное рабство передъ ханами — какое-же это равенство?! Враждебныя отношенія другъ къ другу киргизовъ, сартовъ, таджиковъ, узбековъ; полное отсутствіе идеи національнаго единства; постоянныя родовыя ссоры и междоусобицы кочевниковъ; войны одного ханства съ другимъ; отсутствіе солидарности даже въ культурныхъ и вполне сложившихся общинахъ сартовъ, въ которыхъ каждый богачъ имѣетъ свою партію изъ родственниковъ и протежируемыхъ бѣдняковъ и борется не на животъ, а на смерть съ такою-же пар-

тією другого богача; язва взаимнаго шпіонства, непрерывныя интриги и искусство подкапываться другъ подъ друга, — какое-же это братство?! Конечно, и у азіятцевъ есть свои хорошія нравственныя качества, но нелѣпо приписывать имъ небывалыя доблести и нравственное превосходство надъ цивилизованными народами. Свѣтскій и религіозный деспотизмъ совершенно обезсилилъ энергію и не развилъ въ нихъ активной воли. Физическій развратъ извращаетъ ихъ нравственное чувство и преждевременно истощаетъ организмъ. Независимо отъ пьянства, которое усиливается между ними по мѣрѣ сближенія съ тѣмъ грязнымъ отстоемъ цивилизаціи, который выбрасываетъ къ нимъ Европа, среднеазіятцы во множествѣ употребляютъ опій, гашишъ, настойки конопли и мака и превращаются вслѣдствіе этого въ положительныхъ идіотовъ (Мат., II, 120 и др.). Развратъ, особенно въ Хивѣ и Бухарѣ, достигаетъ ужасающихъ размѣровъ... Онъ губитъ тысячи мальчиковъ, истощаетъ силы и ведетъ за собой то, что вся средняя Азія потребляетъ всевозможныя возбуждательныя средства въ громадномъ количествѣ. Даже министры хановъ не стыдятся вымалывать у европейцевъ драгоценнаго снадобья (ib., 478). Эти заботы объ искусственномъ возбужденіи приводятъ иногда къ трагическимъ результатамъ въ чисто-восточномъ вкусѣ. Вамбери рассказываетъ, что окончательно истощенный хивинскій ханъ лечился сначала у одного туземнаго лекаря, пріобрѣтшаго репутацію колдуна. «Ханъ долгое время пользовался искусствомъ хаджи Измаила; но его величество не выполнилъ предписанной діеты, потому что не могъ выдерживать стрѣлъ Купидона. Слѣдствіемъ этого было общее расслабленіе и ломъ въ костяхъ. Ханъ разгнѣвался на своего придворнаго врача, уволилъ его отъ службы и на мѣсто его поставилъ лекарку, славившуюся своимъ искусствомъ. Эта госпожа возымѣла счастливую мысль предписать больному хану 500 дозъ того лекарства, которое такъ благотворно подѣйствовало на царя-поэта въ древности. Приготовление такого лекарства было-бы затруднительно въ Европѣ, но при хивинскихъ учрежденіяхъ это было легко, и бѣдный пациентъ, проглотивъ 50 или 60 такихъ дозъ, замѣтилъ, что онѣ имѣютъ совершенно противоположное дѣйствіе. За неудачный совѣтъ бѣдная женщина поплатилась головой.»

Таковы главныя характерныя черты средне-азіятской площади, населяемой дикими племенами, — площади, въ которую русскіе постепенно проникаютъ вотъ уже болѣе ста сорока лѣтъ. Что нужно этой странѣ, чтобы выйти изъ своего многовѣкового анархическаго состоянія и возродиться для новой жизни? Говоря языкомъ восточныхъ-же

преданій, что нужно этому несчастному краю, чтобы Ормуздъ побѣдилъ Аримана? Въ настоящее время и люди, и природа находятся здѣсь въ постоянномъ враждебномъ отношеніи — природа вредитъ и подавляетъ человѣка, а человѣкъ хищнически распоряжается ея силами. Чтобы привести эти два фактора во взаимно-гармоническое отношеніе и заставить ихъ дѣйствовать на пользу другъ другу, необходимо создать новую политическую и соціальную жизнь; — нѣтъ сомнѣнія, что это — трудъ обширный, работа на нѣсколько сотъ лѣтъ, но, какъ мы видѣли изъ предыдущаго очерка, здѣсь все ожидаетъ этого труда, и только путемъ великихъ и энергическихъ реформъ цивилизующаго европейскаго населенія эта природа и эти люди могутъ выйти изъ своего варварскаго быта. Тотъ, кому дѣйствительно выпадетъ на долю эта миссія, долженъ хорошо знать всѣ ошибки прежней грубой завоевательной системы. Въ наше время люди мыслящіе понимаютъ, что сближеніе культивированной расы съ дикою совершается не насиліемъ, не экономическимъ давленіемъ на слабаго и безпомощнаго дикаря, а тѣми гуманными мѣрами, какія только доступны современному цивилизованному человѣку. До сихъ поръ восточные народы смотрятъ на европейца, какъ на «рыжаго разбойника», какъ на врага своего. Пусть-же они убѣдятся изъ самыхъ фактовъ, что это не врагъ и не эксплуататоръ ихъ, а другъ и наставникъ. Дайте имъ хоть сотую долю лучшихъ приобрѣтеній европейской цивилизаціи и спасите ихъ хоть отъ нѣкоторой доли ея недостатковъ и мрачныхъ сторонъ — и они сами, безъ всякаго завоеванія, подчинятся европейскому господству... Спрашивается, что насъ влекло въ среднюю Азію, въ эту дикую пустыню, въ то время, когда наша собственная территорія еще такъ слабо населена и воздѣлана? Посмотримъ, что скажутъ на это историческіе факты.

Въ XVІІІ вѣкѣ южную границу Сибири постоянно тревожили своими набѣгами и грабежами киргизы и кочевавшіе въ ихъ степяхъ и въ китайскомъ Туркестанѣ калмыки. Оренбургскій край и Сибирь вслѣдствіе этого оцѣплены линіей укрѣпленій, и хотя это не избавляло край отъ набѣговъ, хотя гарнизоны этихъ укрѣпленій отплачивали кочевникамъ тою-же монетой, но такіе взаимные раздоры, которые современемъ должны были утихнуть и прекратиться, сначала вовсе не внушали нашимъ политикамъ мысли о необходимости покорять степи ради ихъ замиренія. Въ среднюю Азію насъ влекли другіе разсчеты: полагаясь на молву объ ея несмѣтныхъ богатствахъ, мы думали найти въ ней золотыя горы, свою Калифорнію. Еще Петръ Великій отправлялъ экспедицію на несущее-

ствующую рѣку Яркенъ, въ которой, по слухамъ, скрывались не-смѣтные богатства. Экспедиція была предпринята безъ всякаго предварительнаго изученія края, даже безъ географическихъ свѣдѣній о немъ, съ единственною надеждою на желѣзную выносливость русскаго солдата, и, конечно, не удалась, но мечта о средне-азіатскомъ Эльдорадо продолжала дѣйствовать на нашу политику и послѣ Петра. Мечтая добывать въ Туркестанѣ золото и сплавлять его по Аму-Дарьѣ, отводя ея воды по прежнему руслу въ Каспійское море, мы подвигались впередъ и въ 1732 г. съ восторгомъ приняли подъ свое подданство киргизовъ, которые, погибая отъ нашествія джунгарскихъ калмыковъ и собственныхъ междоусобицъ, въ лицѣ хана Малой Орды обратились къ намъ съ просьбой: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; придите владѣть нами». Начали «владѣть»; но золота въ степяхъ не нашли, и хотя все еще продолжали вѣрить въ существованіе его въ глубинѣ Туркестана, но скоро убѣдились, что добратся до него чрезвычайно трудно. Начали подумывать объ эксплуатаціи степей и выгодахъ торговли съ Средней Азіей. Но длинный рядъ неудачныхъ мѣръ, хищничества казаковъ, старинные административные крючки, междоусобицы самихъ киргизовъ, — все это было причиною того, что мы въ продолженіи цѣлаго столѣтія владѣли киргизскою степью только номинально, и относительно насъ она находилась въ положеніи постоянно воюющаго или бунтующаго улуса. Чтобы утвердить ея покорность, оградить развивавшуюся торговлю съ Средней Азіей отъ грабежей и разбоевъ, обезопасить русскія границы отъ набѣговъ кочевниковъ и отъ увода русскихъ въ плѣнъ цѣлыми сотнями, мы шли все впередъ и впередъ, строя укрѣпленія и покрывая степь казачьими пикетами. Но миръ не водворился, тѣмъ болѣе, что недовольные киргизы находили себѣ помощниковъ и постоянныхъ подстрекателей въ жителяхъ Хивы, Бухары, Кокана и другихъ ханствъ Средней Азіи, между тѣмъ, какъ съ другой стороны тревожили русскихъ и дѣлали невозможною прочную торговлю съ Туркестаномъ разбойничьи племена туркменовъ. До половины настоящаго столѣтія въ административныхъ сферахъ господствовало мнѣніе, что киргизы необходимы намъ, какъ поставщики сырья на наши рынки, и поэтому оренбургскимъ киргизамъ всячески противодѣйствовали переходить къ осѣлости и заниматься земледѣліемъ. Благосостояніе степи падало, а управленіе ею стоило чрезвычайно дорого. Торговля съ Средней Азіей шла плохо и всѣ попытки поднять ее посредствомъ мирныхъ договоровъ съ ханами оставались тщетными. Ханы не могли выполнять договоровъ даже въ томъ

случаѣ, если-бы хотѣли. И ихъ подданные, и жители другихъ государствъ и независимыя разбойничьи племена ничего не хотѣли знать о договорахъ, продолжая грабить караваны и захватывать въ плѣнъ русскихъ. Совѣтники хановъ и даже народная масса сплошь и рядомъ заставляли ихъ относиться къ намъ враждебно. Последнія дѣйствія противъ русскихъ бухарскій эмиръ началъ по настоянію народа. Даже послѣ паденія Самарканда, узнавъ, что эмиръ намѣренъ заключить миръ, фанатическое народонаселеніе Бухары взбунтовалось и требовало войны. Эмиръ бѣжалъ въ степь и послалъ своего друга Назуметдина уговаривать народъ. Революція была укрощена краснорѣчіемъ Назуметдина и особенно жирнымъ обѣдомъ, который онъ устроилъ для народа (Мат., II, 432). Частая перемѣна властителей и постоянныя междоусобицы, а также фанатизмъ, боязнь и рѣшительное отвращеніе самихъ хановъ къ сношенію съ русскими дѣлаютъ недействительными всѣ договоры съ ними. Всѣ наши миссіи въ Среднюю Азію со времени Годунова и до настоящаго времени, по выраженію Ханыкова, имѣли одинъ результатъ: «дружескія увѣренія и положительный отказъ исполнить хотя одно изъ умѣренныхъ требованій». Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ началось военное занятіе восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, устройство укрѣпленій до Сыръ-Дарьи, учрежденіе аральской флотиліи, присоединеніе заклійскаго края, Туркестана, Ташкента, Ходжента, Самарканда, Кульджи и учрежденіе туркестанскаго генераль-губернаторства.

Пассивный характеръ среднеазіятцевъ обнаружился немедленно послѣ того, какъ они сознали силу русскихъ. Управлять ими и держать ихъ въ подчиненіи оказалось очень легко. «Соображая численность войскъ, употребляемыхъ для карауловъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, писалъ генераль Черняевъ, и огромныя суммы, издерживаемыя на содержаніе полиціи, я не могъ себѣ представить, чтобы Ташкентъ, съ его 70,000 мусульманскимъ народонаселеніемъ, стекающимся для торговли со всѣхъ концовъ Азіи, потребовалъ-бы такъ мало войскъ для удержанія въ немъ спокойствія и порядка. Черезъ недѣлю послѣ взятія города штурмомъ, полное спокойствіе и порядокъ водворились безъ всякаго почти съ нашей стороны вмѣшательства. Но это спокойствіе вовсе не означаетъ полнаго примиренія покоренныхъ съ побѣдителями. Каково-бы ни было русское управленіе, оно во всякомъ случаѣ лучше прежнихъ порядковъ, но религіозный фанатизмъ и національная ненависть долго еще будутъ возмущаться даже свѣтлыми сторонами нашихъ порядковъ. Русскіе уничтожили рабство и, привлекая на свою сторону рабовъ, въ то-же время возбудили къ себѣ нена-

висть рабовладѣльцевъ. Оставивъ туземцамъ ихъ національные суды, мы лишили ихъ права употреблять тѣлесныя наказанія и приговаривать къ смертной казни. Въ средне-азіятскомъ обществѣ эта гуманная мѣра встрѣчена съ неудовольствіемъ, какъ поблажка ворами и мошенникамъ. Провозглашая равенство всѣхъ передъ закономъ и поддерживая его, русское управленіе также затронуло одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ недостатковъ азіятскаго общества, въ которомъ считается вполне справедливымъ и естественнымъ не давать спуска рабамъ, бѣднякамъ, и оказывать всяческое снисхожденіе людямъ богатымъ и вліятельнымъ. Недавно выборные уральской волости жаловались на своего старшину, что «онъ не смотритъ ни на кого, не различаетъ большаго отъ малаго и одинаково ко всѣмъ требователенъ и взыскателенъ» (II, 130). Замирненіе страны, покоренной русскими, возбуждаетъ также сильное недовольство во всѣхъ тѣхъ, которые жили прежде набѣгами, разбоями, барантой (II, 346). Подати и налоги значительно уменьшились съ водвореніемъ русскаго владычества; но послѣдовавшее затѣмъ увеличеніе ихъ начало возбуждать въ туземцахъ сильное безпокойство. Прошлогоднее возмущеніе въ Ходжентѣ, ближайшимъ поводомъ къ которому было обязательное оспопрививаніе, было возбуждено главнымъ образомъ упомянутымъ возвышеніемъ налоговъ и собираніемъ статистическихъ свѣденій, которое было принято туземцами въ томъ смыслѣ, что все ихъ имущество отписывается въ казну. Сборъ податей предоставленъ хозяйственнымъ управленіямъ, которыя состоятъ изъ выбранныхъ самими туземцами аксакаловъ. Но эти аксакалы остались въ томъ-же положеніи, какъ и до прихода русскихъ; туземное самоуправленіе идетъ плохо и его самостоятельность не развивается; русская администрація не въ силахъ искоренить злоупотребленій аксакаловъ, которые распределяютъ неравномѣрно налоги и собираютъ ихъ гораздо больше той суммы, какую представляютъ въ казну. Это также одна изъ главныхъ причинъ недовольства туземцевъ.

Дальнѣйшее увеличеніе доходовъ казны при настоящихъ условіяхъ почти невозможно; а между тѣмъ, край далеко не окупаетъ издержекъ управленія. Доходовъ поступило въ 1868 г. 1,500,000 р., а въ 1869 г. 2,302,000 р. (съ 1,500,000 жителей); но они далеко не покрыли расходовъ и дефицитъ по управленію краемъ представляется въ слѣдующихъ почтенныхъ цифрахъ:

Въ 1868 году	3,856,000 р.
» 1869 »	1,877,000 »
» 1870 »	3,009,000 »

» 1871	»	4,611,000	»
» 1872	»	до 6,000,000	»
		<hr/>	
		22,353,000 р.	

Нѣтъ сомнѣнія, что рациональное развитіе производительныхъ силъ страны можетъ современемъ уравновѣсить доходы съ расходами. Но сколько понадобится для этого трудовъ, знанія, денегъ! Надежды на легкую эксплуатацію богатствъ Средней Азіи теперь уже были-бы дѣтской мечтой. Слухи о золотоносности Туркестана оказываются ложными. Они произошли вслѣдствіе хвастливости туземцевъ и вслѣдствіе того, что послѣ смерти шаха Надира Средняя Азія дѣйствительно была завалена награбленными имъ сокровищами, которыя разошлись по странѣ. Съ 1748 по 1755 г. въ Оренбургъ и Троицкъ, кромѣ контрабанды, было вывезено до 50 пуд. золота и 4,600 пуд. серебра. Воображая, что эти металлы добыты въ Туркестанѣ, мы стремились въ это Эльдorado, но въ концѣ концовъ увидѣли, что въ самой золотоносной мѣстности, на Зарявшанѣ, рабочій можетъ добывать золота только на 6 р. въ мѣсяць или 20 коп. въ день. Богатыя залежи каменнаго угля около Кульджи и въ Туркестанѣ могли-бы снабдить превосходнымъ топливомъ и народонаселеніе и русскіе пароходы, которые теперь, истребивъ послѣдніе остатки кустарника саксаула, жгутъ фруктовыя деревья. Но эти залежи разрабатываются хотя и не въ обширныхъ, но все-таки въ довольно сносныхъ размѣрахъ, только китайцами около Кульджи. Въ Туркестанѣ-же въ 1867 г. устроили особое горное управленіе и казенный рудникъ, что стоило въ два года около 30,000 р. и далеко не окупило расходовъ. Послѣ этого частныя лица принялись за разработку каменнаго угля, но его до сихъ поръ добывается такъ мало, что не удовлетворяются даже потребности немногихъ казенныхъ пароходовъ (т. II, 223, 226 и 461). Въ Ташкентѣ керосинъ продается иногда по 80 коп. фунтъ, а стеариновыя свѣчи по 1 р. 20 к. за фунтъ, а между тѣмъ богатые источники нефти, при ихъ разработкѣ, могли-бы съ избыткомъ снабжать всю Среднюю Азію и дешевымъ керосиномъ, и асфальтомъ (стр. 441 и 446). Но разработка ихъ почти еще не начиналась. Свинцу тоже много, но онъ все-таки получается изъ Россіи и стоитъ 4 р. 50 к. за пудъ! Въ 1869 г. г. Первушинъ взялся за разработку свинцовой руды и, обязавшись поставить казнѣ 3,000 пуд., могъ выработать только 370 пуд. (стр. 464 и 476). Въ Туркестанѣ можно съ успѣхомъ разводить табакъ; десятина, засеянная имъ, можетъ дать чистаго дохода до 1,400 р. (стр. 457). Но, не смотря на одиночныя и удавшіеся опыты, табаку не разво-

дится. Для развитія шелководства не только ничего не сдѣлано русской администраціей, но до послѣдовавшаго недавно запрещенія лучшіе коконы скупались и вывозились въ Италію. Разведеніе и обработка хлопка остаются въ прежнемъ, незавидномъ положеніи. Садоводство, которымъ такъ славятся оазисы Средней Азіи, даже падаетъ, потому что фруктовыя деревья во множествѣ истребляются на топливо. Пчеловодство, которое можетъ здѣсь вполне процвѣтать, находится на низшей ступени развитія. Главный продуктъ мѣстныхъ русскихъ фабрикъ и заводовъ—водка. Въ семирѣчинской области всѣ фабрики и заводы, числомъ 20, при 342 рабочихъ, производятъ на 251,000 р.; изъ нихъ 3 винокуренныхъ и водочныхъ завода, при 147 рабочихъ, производятъ на 137,000 руб. (т. I, таблицы, стр. 204 — 205).

Несомнѣнно, что главныя производительныя силы страны заключаются въ различныхъ видахъ земледѣлія и скотоводствѣ, для развитія которыхъ необходимо бороться со множествомъ физическихъ препятствій. Главное дѣло — экономическое и рациональное пользованіе наличною суммою воды. Между тѣмъ, наша частная и общественная предприимчивость не только ничего не сдѣлала въ этомъ отношеніи, но положительно содѣйствовала уменьшенію количества влаги въ атмосферѣ и на поверхности земли. Междоусобицы азійцевъ и борьба съ ними русскихъ вели за собой окончательное истребленіе лѣсовъ во всей странѣ, кромѣ сѣверныхъ окраинъ ея да малодоступныхъ горныхъ мѣстностей. Киргизскія степи въ какія-нибудь 15 — 20 лѣтъ дошли до настоящаго, почти совершеннаго уничтоженія не-только строевого лѣса, но даже кустарниковыхъ растеній тамъ, гдѣ, при рациональномъ пользованіи лѣсомъ, его хватило-бы на цѣлыя поколѣнія (т. II, стр. 555). И это опустошеніе производили не одни казаки и киргизы, но и мирные русскіе крестьяне, выселеніе которыхъ въ семирѣчинскую область принимаетъ болѣе и болѣе обширные размѣры. Ихъ переселилось сюда въ 1868—1870 гг. 2,889 семей; но они далеко не благоденствуютъ, такъ какъ не умѣютъ примѣняться къ мѣстнымъ физическимъ условіямъ (т. I, стр. 133, табл. 195, т. II, стр. 297). Въ нѣсколько лѣтъ колонисты совершенно истребили всѣ лѣса въ занятыхъ ими мѣстностяхъ (т. II, стр. 301—481). Съ истребленіемъ лѣсовъ, высыхаютъ ручьи, озера, рѣчки, гибнутъ травы и страна превращается въ бесплодную степь. Искусственное разведеніе лѣсовъ — главная потребность края; но, дорогое само по себѣ, оно становится еще дороже влѣдствіе необходимаго для него искусственнаго орошенія степей. Воды въ степяхъ достаточно даже

вдали отъ рѣкъ, но вся она скрыта подъ поверхностью земли. Устройство артезіанскихъ и простыхъ колодцевъ, искусственные скопы снѣга въ степяхъ зимою, употребляемые и теперь, только въ ничтожныхъ размѣрахъ, проведеніе канавъ, которыя-бы препятствовали господствующимъ здѣсь сѣвернымъ вѣтрамъ сдувать снѣгъ со степей, а въ мѣстностяхъ, лежащихъ въ бассейнахъ рѣкъ и около озеръ, проведеніе новыхъ водопроводовъ, — вотъ мѣры, которыми вполне успѣшно можно достигнуть орошенія значительной части страны, покрыть ее травами и лѣсомъ, сдѣлать удобною для земледѣлія и скотоводства (II, 105, 480—505). Но для этого нужны самыя лучшія интеллигентныя силы, знающіе и энергическіе техники, хорошіе администраторы и громадныя средства; нужны постоянныя изысканія и улучшенія, безъ которыхъ край будетъ постепенно высыхать и обращаться въ бесплодныя степи... Цивилизація наша не особенно содѣйствовала и улучшенію азіатскаго земледѣлія. Да и трудно содѣйствовать ему, такъ-какъ азіатское земледѣліе во многихъ отношеніяхъ стоитъ выше русскаго, напр., по своей превосходной системѣ искусственнаго орошенія полей, а средне-азіатскій плугъ, при всемъ его несовершенствѣ, все-таки лучше русской сохи. Но при всемъ томъ, мы могли-бы вліять на усиленіе перехода кочевниковъ къ земледѣлію. Дѣло въ томъ, что изъ кочевниковъ принимаются за плугъ почти только тѣ бѣдняки, которые, лишившись скота и всего имущества, по необходимости ищутъ своего пропитанія въ производительной силѣ земли. Имъ необходимо предоставить какія-нибудь льготы, между тѣмъ какъ въ настоящее время они платятъ налоговъ сравнительно больше, чѣмъ кочевники.

Вообще русскіе жители Туркестана не занимаются промышленностью сами и не содѣйствуютъ развитію ея у туземцевъ. Да и какая нужда заниматься промышленностью, когда даже мелочная торговля, какой-нибудь винокуренный заводъ, кабакъ, трактиръ даютъ въ годъ чистаго барыша до 100, а по мѣстамъ даже до 300%! Торгуй только! Ну, и торгуютъ... Торговля наша съ Средней Азіей развивалась за послѣднее время довольно быстро.

	Привезено на	Вывезено на
Въ 1857 г.	6,047,545 р.	3,838,867 р.
» 1861 »	8,371,795 »	5,882,335 »
» 1864 »	12,091,149 »	6,576,170 »
» 1866 »	9,479,162 »	10,847,335 »
» 1867 »	12,850,405 »	16,634,396 »

Но въ послѣдніе годы итогъ нашей торговли значительно понизился. Англійскіе товары сильно соперничаютъ съ русскими уже и теперь

своей дешевизною и добротностью даже въ туркестанской области, куда они проникаютъ контрабанднымъ путемъ. Въ независимыхъ-же отъ насъ торговыхъ центрахъ англійскіе товары рѣшительно преобладаютъ надъ русскими тѣмъ болѣе, что англичане могутъ давать въ кредитъ на годъ, а наши купцы только на мѣсяць, много на три. Англійская торговля съ средней Азіей быстро развивается и въ послѣднее время изъ Остъ-Индіи прошло въ Туркестанъ 6,560 верблюдовъ съ чаями и европейскими товарами. Когда-же дороги изъ Индіи улучшатся, то англійское соперничество можетъ сдѣлаться вполне убійственнымъ для нашей торговли, неговоря уже о безусловномъ успѣхѣ его въ томъ случаѣ, если удастся проектируемая англійская желѣзная дорога въ Индію черезъ Персію. Въ этомъ сознаются даже самые рьяные защитники русскихъ успѣховъ въ Средней Азіи. А торговля наша до сихъ поръ была единственнымъ связующимъ звѣномъ съ азіатскимъ континентомъ.

Многіе причину неуспѣховъ русской цивилизаціи въ Туркестанѣ полагаютъ въ малочисленности русскаго народонаселенія, котораго на всю Среднюю Азію приходится до 70,000 ч., да и то преимущественно служащихъ. Въ Ташкентѣ, напр., 78,165 жителей, изъ нихъ русскихъ только 2,073, изъ которыхъ 1,599 человекъ военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ служащихъ, а остальные, удовлетворяя потребностямъ этихъ служащихъ, занимаются услуженіемъ, ремеслами и торговлею. Повятно, что такая горсть людей не можетъ имѣть цивилизующаго вліянія на страну, тѣмъ болѣе, что большинство этихъ лицъ прибыло сюда на короткіе сроки, съ исключительными цѣлями и при исключительныхъ условіяхъ...

Ясно, что въ такомъ положеніи дѣла не должны оставаться... Читатель видѣлъ, что въ продолженіи ста сорока лѣтъ русскіе все шли впередъ и впередъ, чтобы умиротворить страну, распространить свою торговлю, прекратить междоусобицы и разбои, отыскать новые источники богатства, которые хотя-бы покрывали расходы по покоренію и управленію страной. Мы видѣли выше, что цѣли эти далеко еще не достигнуты. Управление краемъ пока даетъ ежегодный дефицитъ; южныя ханства, лежащія около границъ Афганистана, враждебны намъ и недоступны для нашей торговли, равно какъ и богатая страна Алтышаръ; въ китайскомъ Туркестанѣ господствуетъ анархія, гибельная для нашей торговли и небезопасная даже для нашихъ границъ: хивинцы занимаютъ устья Аму-Дарьи, грабятъ караваны, захватываютъ въ плѣнъ русскихъ, волнуютъ подданное намъ мусульманское народонаселеніе; Бухара тоже ненадежна; только Ко-

ханъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ къ Россіи, но Худояръханъ можетъ умереть или быть свергнутымъ, и эти отношенія легко могутъ измѣниться на совершенно противоположныя; независимыя туркменскія орды также опасны для нашихъ владѣній и торговли. Поэтому, признавая невозможнымъ оставаться при настоящемъ statu quo, мы должны составить себѣ самое точное понятіе о томъ, чѣмъ было наше движеніе въ Среднюю Азію до сихъ поръ; чтобы не отступать назадъ и идти дальше надо знать, какъ мы «шли впередъ» до сихъ поръ.

Впродолженіи ста сорока лѣтъ нами заняты:

	квадратныхъ миль.	жителей.	на 1 кв. милю жи- телей.
Киргизскія степи оренбургскаго и сибирскаго вѣдомства	33,878	1.450,000	43
Туркестанскій край: Сыръ-Дарьин- ская область	8,800	771,500	88
Семирѣчинская	6,200	550,000	89
Зарявшанскій округъ	190	200,000	1,053
Всего занято	49,068	2.971,500	61

Земли независимыя:

Бухара	3,200	1.500,000	469
Коканъ	1,500	600,000	400
Хива	2,100	300,000	133
Афганскій Туркестанъ	2,000	300,000	150
Мелкія владѣнія въ вер- ховьяхъ Аму-Дарьи	2,700	100,000	37
Туркменскія земли	21,100	600,000	28
Не занято еще	32,600	3.400,000	104

Словомъ, выражаясь словами г. Костенко, «наша задача состоитъ въ томъ, чтобы быть хозяевами по сю сторону Гиндукуша; только въ этомъ случаѣ наше среднеазіатское зданіе увѣнчается». Совершенно справедливо; но приведенная таблица неприсоединенныхъ еще земель далеко не полна. Западный Китай, который, отложившись уже, по всей вѣроятности, не можетъ быть покоренъ китайцами, и по своей производительности, торговлѣ и политическимъ обстоятельствамъ несравненно выгоднѣе для насъ и Хивы и Бухары; тамошняя анархія уже вызвала занятіе Кульджи русскими; но совершенно въ такомъ-же положеніи и въ такихъ-же отношеніяхъ къ намъ, какъ

Кульджа, находятся тѣ мѣстности, въ которыхъ лежатъ Чугучакъ, Улясутай, Урумчи, Яркандъ, Кашгаръ, Хотанъ и др. до Гоби къ востоку и хребта Коэнлюнь къ югу. А эта территорія и гораздо обширнѣе, и населеннѣе и несравненно богаче, чѣмъ та, о которой говорится въ предъидущей таблицѣ.

Мы не увлекаемся мечтами объ этихъ присоединеніяхъ, которыя должны поставить насъ въ ближайшія торговыя сношенія съ Индіей, Тибетомъ и Китаемъ и создать изъ Средней Азіи русское царство въ родѣ англійскаго Индустана. Мы только указываемъ на неизбѣжную дилемму: идти впередъ или отступить, которая при данныхъ условіяхъ неизбѣжно будетъ рѣшаться въ смыслѣ движенія впередъ, а не въ смыслѣ отступленія съ того пути, на который мы вовлечены были обстоятельствами болѣе ста лѣтъ назадъ.

Для поднятія благосостоянія края необходимо развитіе земледѣлія и торговли. Для теперешнихъ земледѣльцевъ, для русскихъ колонистовъ, для безземельныхъ туземцевъ и для кочевниковъ, переходящихъ къ осѣдлой жизни, необходимо увеличить количество удобныхъ къ воздѣлыванію земель. Этого можно достигъ только однимъ путемъ, посредствомъ проведенія новыхъ оросительныхъ каналовъ изъ туркестанскихъ рѣкъ. Но дѣло въ томъ, что главные источники искусственнаго орошенія, рѣки Сыръ и Аму, въ то-же время безусловно необходимы, какъ лучшіе пути сообщенія въ краѣ, какъ единственные возможные при настоящихъ условіяхъ каналы, посредствомъ которыхъ будущая русская торговля можетъ направляться въ глубь Средней Азіи черезъ Каспійское море, туркменскій перешеекъ, аральское море и побочныя рѣки. Чѣмъ больше будутъ отводить воды изъ этихъ рѣкъ въ оросительные каналы, тѣмъ болѣе онѣ будутъ мелѣть и сдѣлаются вовсе негодными даже для плаванія небольшихъ судовъ. Въ сущности эти рѣки очень значительны, но и въ настоящее время онѣ уже истощены отводомъ воды до такой степени, что по нимъ съ величайшимъ трудомъ да и то не всегда могутъ пробираться маленькіе пароходы. Что-же дѣлать? И Аму и Сыръ можно сдѣлать вполне судоходными, для этого стоитъ только сократить число отводныхъ оросительныхъ каналовъ и не проводить новыхъ; но вслѣдствіе этого значительно падеть земледѣліе и многіе изъ цвѣтущихъ теперь оазисовъ обратятся въ бесплодные пустыри; съ другой стороны, поднять земледѣліе очень легко, стоитъ только упятерить, удесятерить число существующихъ теперь оросительныхъ каналовъ, но это поведетъ за собой окончательное паденіе судоходства.

Между тѣмъ, развитіе земледѣлія, особенно воздѣлыванья хлопка

и развитіе торговли представляются неизбѣжными условіями для поднятія производительности края и для прекращенія миллионныхъ дефицитовъ. Для торговли-же необходимы пути легкаго и скорого сообщенія. У насъ долго толковали о возможности повернуть Аму-Дарью въ ея старое русло, но теперь окончательно приходится отказаться отъ этой мечты, такъ какъ, по тщательнымъ изслѣдованіямъ, Аму по своему старому руслу не въ состояніи будетъ достигнуть Каспійскаго моря и потеряется въ пескахъ. Что-же дѣлать? Кто рѣшитъ эти вопросы?

Само собою понятно, что за рѣшеніемъ ихъ мы должны прежде всего обратиться къ господамъ ташкентцамъ...

Господа ташкентцы не задумываются и предлагаютъ желѣзную дорогу. Съ ноября 1872 г. въ обществѣ содѣйствія русской торговли и промышленности, въ особой комиссіи обсуждается вопросъ о соединеніи европейской Россіи съ азійскими рынками, т. е. съ Персіей, Туркестаномъ, Индіей и Китаемъ. Комиссія состоитъ изъ русскихъ людей и добрыхъ патріотовъ, незараженныхъ ни малѣйшимъ вѣяніемъ скептицизма. И вотъ, съ патріотическою вѣрою въ неисчерпаемыя силы отечества и съ размахистостью настоящей русской природы, она порѣшила, что необходимо какъ можно скорѣе построить желѣзную дорогу до Ташкента. Но комиссія оказалась еще довольно скромною въ своихъ требованіяхъ. Люди, хорошо знакомые съ Средней Азіей, доказываютъ, что проведеніе желѣзной дороги только до Туркестана мало поможетъ дѣлу. «Мы, пишетъ полковникъ Краевскій въ 32 № «Голоса», должны идти впередъ возможно быстрѣе, и цѣль нашего движенія впередъ есть соединеніе среднеазійской торговли съ индійскою... Тогда половина индійскихъ товаровъ, идущихъ въ Европу, будетъ перевозиться по нашей желѣзной дорогѣ... Это гордіевъ узелъ для нашей финансовой системы, и развяжетъ его тотъ, кто устроитъ тоннель въ Гиндукушѣ для соединенія Индіи съ Европой.» Г. Краевскій думаетъ, что мы въ этомъ дѣлѣ можемъ предупредить затѣи англичанъ и построить дорогу въ двѣнадцать лѣтъ. Г. Соболевъ идетъ еще далѣе и доказываетъ, что среднеазійскаго рынка намъ мало, а подавай, дескать, всю Азію! Апшетить по истинѣ ташкентскій!.. Г. Соболевъ, кромѣ дороги въ Индію проводитъ другую черезъ всю Сибирь въ Китай; тогда изъ Петербурга можно будетъ въ 8 дней докатить до Индустана и въ 12 до Пекина; тогда Россія сдѣлается центромъ всемірной торговли. «Проведя желѣзныя дороги въ Китай и Индію и заключивъ въ желѣзныя объятія всю Азію, мы, съ помощью всей Европы, пробудимъ

отъ летаргіи этотъ обширный материкъ Старога Свѣта и вызовемъ его на обширную арену общечеловѣческой дѣятельности» («Голосъ», № 32).

Всѣ эти мечтанія о столь грандіозныхъ предпріятіяхъ тѣмъ забавнѣе, что люди, предаваясь имъ, думаютъ соперничать съ англичанами, которые хлопчуть о томъ-же, быстро утверждаютъ свое торговое вліяніе въ независимыхъ отъ насъ ханствахъ Средней Азіи и хотятъ вести свою желѣзную дорогу въ Индію. Но мы за то превосходимъ ихъ смѣлостью своихъ мечтаній. Впрочемъ, фантазіи гг. Соболевыхъ, Краевскихъ и тому подобныхъ преобразователей далеко не представляютъ собою самаго широкаго и радикальнаго рѣшенія средне-азіятскаго вопроса. Есть еще болѣе смѣлый и болѣе радикальный проэктъ г. Демченко «О наводненіи Арало-Каспійской низменности для улучшенія климата прилежащихъ странъ, Кіевъ, 1871.» Г. Демченко посредствомъ серьезныхъ научныхъ аргументовъ доказываетъ, что Обь, Иртышъ, Енисей и другія рѣки посредствомъ гидравлическихъ сооруженій могутъ быть направлены въ арало-каспійскую низменность, вслѣдствіе чего послѣдняя превратится въ большое средиземное море, портовыми городами котораго будутъ Саратовъ, Самара, Уральскъ, Чарджуй (противъ Бухары), Енисейскъ: это море будетъ соединять Сибирь съ Индіей и съ юговосточной Россіей; всѣ прибрежныя мѣстности, даже воды ледовитаго океана будутъ теплѣе. Всѣ работы по этому затопленію предполагается кончить въ 30 лѣтъ, капиталу нужно до 5.000.000.000 рублей, а на образованіе полнаго моря потребуется до 280 лѣтъ. Такимъ образомъ скромный кіево-печерскій ученый, г. Демченко, оказывается еще гораздо храбрѣе и тароватѣе на фантазіи, чѣмъ господа ташкентцы. Пять миллиардовъ рублей, конечно, плевое дѣло для насъ, но 280 лѣтъ для осуществленія патологически-смѣлаго проэкта кіево-печерскаго ученаго это уже не шутка, а серьезное дѣло, особенно если принять въ соображеніе наши ученія и интеллектуальныя силы, которыхъ недостаетъ для многихъ кафедръ въ нашихъ университетахъ, которыхъ нѣтъ у насъ въ наличности, чтобы помочь намъ спасти свой скоть отъ эпизоотій и дать городамъ и селамъ сносную санитарную обстановку... Г. Демченко, конечно, извѣстно, какихъ трудовъ и сколькихъ милліоновъ стоило такое скромное, сравнительно съ его проэктомъ, предпріятіе, какъ прорытіе суэзкаго канала. Но при современномъ состояніи не нашего, а даже европейскаго знанія это предпріятіе еще сомнительно въ своемъ окончательномъ осуществленіи. Никто не поручится, чтобы лѣтъ черезъ двадцать или тридцать Европа не отказалась отъ

него, благодаря тѣмъ громаднымъ средствамъ, которыхъ оно требуетъ для постояннаго поддержанія пескомъ заносимаго русла въ надлежащемъ видѣ. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что трудъ и знаніе человѣка способны измѣнить шаръ земной, дать ему совершенно инныя формы и примѣненія къ нашимъ соціальнымъ потребностямъ и прогрессу, создать моря тамъ, гдѣ теперь песчанья пустыни, развить флору и фауну тамъ, гдѣ теперь голыя и безжизненныя степи, но... но для осуществленія такихъ грандіозныхъ плановъ намъ нужно готовиться самимъ не менѣе 280 лѣтъ, особенно при томъ черепашьемъ ходѣ нашей науки и общественной культуры, которому намъ угодно придавать названіе *неудержимаго прогресса*. Что-же касается желѣзно-дорожной мечты господъ ташкентцевъ и желанія ихъ произвести переворотъ во всемірной торговлѣ, то мы посовѣтовали-бы имъ позаботиться лучше о своей собственной торговлѣ, внутри Россіи, и вывести ее изъ того регрессирующаго положенія, въ которомъ она находится за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Это было-бы и дешевле, и практичнѣе. Иначе, занимаясь всемірными проэктми, мы совершенно забудемъ, что у насъ есть цѣлыя провинціи, страдающія отъ неурожаевъ, въ то время, какъ въ другой полосѣ Россіи хлѣбъ гніетъ въ запасныхъ складахъ.

РОССІЯ И АНГЛІЯ

ВЪ

СРЕДНЕЙ АЗІИ.

- La Russie et l'Angleterre dans l'Asie centrale, par M. F. Martens, professeur du droit international à l'Université Impériale de St.-Pétersbourg. Gand. 1879.
- Карта Средней Азіи, составленная по повѣйшимъ свѣдѣніямъ при военно-топографическомъ депо. Сиб. 1879.

Ни въ наукѣ, ни въ политикѣ, ни въ жизни вообще нельзя безнаказанно пренебрегать фактомъ. Съ нимъ надо считаться, онъ долженъ входить во всѣ наши теоретическія соображенія, долженъ болѣе или менѣе видоизмѣнять ихъ, если мы не хотимъ отрываться отъ жизни и становиться на почву мечтательнаго гаданія. Съ большою рельефностью выдѣляются обыкновенно сила и значеніе факта въ дѣлахъ и вопросахъ международной политики. Обойдите въ этихъ дѣлахъ и вопросахъ какой-нибудь существенный фактъ, составляющій одно изъ необходимыхъ условій успѣха или неудачи, и всѣ ваши соображенія и расчеты могутъ быть опрокинуты самымъ безпощаднымъ образомъ. На нашихъ глазахъ французы стремились за Рейнъ, и были принуждены уступить Германіи Эльзасъ и часть Лотарингіи; на нашихъ глазахъ, русскія войска долго стояли подъ Константинополемъ — и не заняли его даже и временно. Англичане, недавно заключившіе съ афганцами выгодный миръ и, повидимому, смирившіе этихъ опасныхъ сосѣдей Индіи, были вслѣдъ затѣмъ поражены вѣстью о поголовномъ истребленіи ихъ перваго посольства въ Кабулѣ, —

событіи, которое предвѣщаетъ въ будущемъ народную войну афганцевъ противъ ихъ могущественнаго восточнаго сосѣда.

Такими существенными фактами, съ которыми необходимо считаться, являются для Россіи англійское владычество въ Индіи, и для Англій — русское владычество въ Средней Азіи. Правда, дѣятельная роль выпала тамъ на долю Россіи прежде, чѣмъ рѣшены ея внутренніе вопросы капитальной важности, имѣющіе болѣе прямое, ближайшее отношеніе къ нравственному и матеріальному благосостоянію русскаго народа, но этой дѣятельной роли уже нельзя вычеркнуть изъ исторіи и международныхъ отношеній Россіи. Такъ или иначе, русское владычество въ Средней Азіи, какъ и англійское въ Индіи, стало фактомъ, который можетъ имѣть весьма крупныя и серьезныя послѣдствія. Такъ или иначе, Россія приняла на себя извѣстныя задачи по отношенію къ группѣ бывшихъ и еще существующихъ государствъ Средней Азіи, и русскій читатель, какъ и русскій государственный человѣкъ, не можетъ относиться безразлично къ тѣмъ или другимъ послѣдствіямъ, вытекающимъ для Россіи и Англій изъ положенія, уже занятаго ими въ Азіи.

Къ сожалѣнію, ясныя представленія о немъ у насъ — большая рѣдкость. Русская публика не имѣетъ въ своемъ распоряженіи положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ она могла бы составить себѣ такія представленія. Кромѣ событій совершившихся и потому общеизвѣстныхъ, она знаетъ очень мало. Дипломатическая и закулисная сторона этихъ событій остается ей неизвѣстною, если она не прибѣгнетъ къ единственному источнику по этой части — къ англійскимъ такъ-называемымъ «синимъ книгамъ», отъ времени до времени представляемымъ министрами парламенту. Но эти сборники дипломатическихъ бумагъ обширны и доступны немногимъ. Едва ли кто-нибудь имѣлъ у насъ возможность прочесть и изучить ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ сдѣлалъ это профессоръ Мартенсъ, изложившій недавно въ особой брошюрѣ свои мысли объ относительномъ положеніи Россіи и Англій въ Средней Азіи. Брошюра эта, первоначально явившаяся въ «*Revue du droit international et de législation comparée*», вышла теперь отдѣльно въ Гентѣ (Gand), и по многимъ причинамъ не должна пройти у насъ незамѣченною.

Мы не будемъ докучать почтенному автору вопросомъ, почему его трудъ не появился первоначально на русскомъ языкѣ, или, по крайней мѣрѣ, одновременно на языкахъ русскомъ и французскомъ. Французскій языкъ у насъ распространенъ, а авторъ, очевидно, имѣлъ преимущественно въ виду европейскую

публику, когда писалъ свой очеркъ переговоровъ между Россіей и Англіей по дѣламъ Средней Азіи. вмѣсто запоздалаго упрека, мы предпочитаемъ извлечь изъ его интересной брошюры мало извѣстныя нашей публикѣ свѣдѣнія, и познакомить ее съ главнѣйшимъ выводомъ автора, выводомъ очень смѣлымъ и, какъ намъ кажется, въ сущности очень вѣрнымъ.

Было бы совершенно напрасно становиться на точку зрѣнія абсолютной справедливости и вообще морали въ международномъ дѣлѣ, исключительно направляемомъ интересами тѣхъ державъ и тѣхъ лицъ, которыя въ немъ замѣшаны. Восхвалять русскую политику и систематически осуждать англійскую мы не станемъ уже потому, что дѣло совсѣмъ не въ восхваленіи или порицаніи. Мы не ощущаемъ также ни малѣйшаго желанія приписывать русскому народу небывалые виды на Индію или на Афганистанъ. Мы знаемъ, что въ нашемъ обществѣ раздаются отъ времени до времени фальшивые голоса въ этомъ смыслѣ, но считаемъ ихъ за праздные голоса людей, которые, не имѣя синицы въ рукахъ у себя дома, готовы навязать народу погоню за журавлемъ по всей Азіи. Если уважаемый авторъ «Россіи и Англии въ Средней Азіи» и является въ своей брошюрѣ до нѣкоторой степени апологистомъ, это легко объясняется изданіемъ его труда въ Бельгій, на французскомъ языкѣ, и мы искренно благодарны ему уже за то, что онъ отнюдь не повинистъ. Осуждая дѣйствительно безцеремонную и назойливую политику Англии съ точки зрѣнія справедливости и права, онъ въ то же время даетъ читателю обстоятельное фактическое обзорѣніе переговоровъ, вызванныхъ интересами Россіи и Англии въ Средней Азіи. Мы и послѣдуемъ за нимъ въ этомъ обзорѣніи.

Когда, послѣ крымской войны, состоялась первая русская экспедиція противъ разбойничавшихъ киргизовъ и кокандцевъ, удачные ея результаты были приняты съ величайшимъ недоверіемъ въ Англии. Общественное мнѣніе и печать увидѣли въ этой экспедиціи первый шагъ къ исполненію цѣлаго плана завоеваній, долженствовавшихъ постепенно привести русскія войска въ Индію. Въ циркулярѣ 21 ноября 1864 года кн. Горчаковъ тогда же счелъ нужнымъ изложить задачи русской политики въ Средней Азіи. Основываясь на необходимости положить конецъ вторженіямъ и грабежамъ азіатовъ на границахъ Россіи, князь Горчаковъ объяснялъ въ этомъ циркулярѣ, что русскому правительству открывались три способа дѣйствія: или терпѣть подобный безпорядокъ, парализующій всякую безопасность и всякій прогрессъ, или обречь себя на дорогія и отдаленныя экспедиціи, не приво-

дѣянія ни къ какому практическому результату и которыя пришлось бы возобновлять постоянно, или, наконецъ, ступить на тотъ ничѣмъ не ограниченный путь завоеваній и вторженій, который привелъ Англію къ владычеству въ Индіи, и покорить одно за другимъ, силой оружія, мелкія независимыя государства, которыхъ хищническіе и безпокойные нравы и постоянныя возстанія не даютъ покоя ихъ сосѣдямъ. Но ни одинъ изъ этихъ способовъ не отвѣчалъ, по мнѣнію кн. Горчакова, той цѣли, которую имѣла въ виду русская политика и которая заключается не въ безмѣрномъ расширеніи русскихъ владѣній, а въ утвержденіи русскаго владычества на прочныхъ основаніяхъ, въ огражденіи его безопасности и въ развитіи общественнаго устройства, торговли, благосостоянія и цивилизаціи. Въ виду этихъ соображеній, циркуляръ ставилъ на видъ слѣдующія начала, которыхъ намѣрено держаться русское правительство относительно Средней Азіи:

«1. Признано необходимымъ, говорилось въ томъ же циркулярѣ, чтобы двѣ укрѣпленныя линіи нашихъ границъ, изъ которыхъ одна тянется отъ Китая до озера Иссыкъ-Кула, а другая — отъ Аральскаго моря вдоль Сыръ-Дарьи, были связаны между собою укрѣпленными пунктами, дабы всѣ наши посты могли поддерживать другъ друга и не оставалось никакого промежутка, черезъ который кочевыя племена могли бы безнаказанно совершать свои вторженія и грабежи.

«2. Существенно важно, чтобы пополненная такимъ образомъ линія нашихъ передовыхъ фортвовъ находилась въ странѣ достаточно плодородной не только для снабженія ихъ провіантомъ, но и для допущенія правильной колонизаціи, которая одна можетъ подготовить занятымъ землямъ прочную и счастливую будущность, привлекая сосѣднія населенія къ цивилизованной жизни.

«3. Необходимо, наконецъ, окончательно опредѣлить эту линію, чтобъ избѣгнуть опасныхъ и почти неизбѣжныхъ увлеченій, которыя могутъ повести, путемъ отраженій и возмездій, къ безграничному расширенію русскихъ владѣній».

Но этому заявленію не повѣрили въ Англіи. Оно также было принято за маску, подъ которой скрываются опасные планы. А между тѣмъ, дальнѣйшія событія въ Средней Азіи дѣйствительно не отвѣчали смыслу русскаго циркуляра и какъ-бы подтверждали англійскія подозрѣнія. Россія не ограничилась завоеваніемъ Туркестана и взятіемъ города Чемкента. Новая экспедиція была предпринята въ началѣ слѣдующаго (1865) года противъ бухарскаго эмира, и городъ Ташкентъ былъ взятъ и

присоединенъ къ имперіи. Въ 1866 году возобновились военныя дѣйствія противъ того же эмира, державшаго въ тяжеломъ плѣну многихъ русскихъ офицеровъ, и противъ эмира коканскаго. Городъ Ходжентъ и часть коканскихъ владѣній также были присоединены къ Россіи и вошли въ составъ вновь учрежденной Туркестанской области, подчиненной особому генераль-губернатору, пребывающему въ Ташкентѣ.

Въ Англіи увидѣли во всемъ этомъ вопіющее противорѣчіе съ торжественными увѣреніями недавняго русскаго циркуляра. Печать говорила, что не успѣли еще высохнуть чернила, которыми написанъ этотъ циркуляръ, какъ всѣ изложенныя въ немъ обѣщанія были уже нарушены и обращены въ мертвую букву. Впослѣдствіи англійскій посолъ въ Петербургѣ, сэръ-Андрю Боккененъ, доносилъ своему правительству, что князь Горчаковъ никогда не написалъ бы своего циркуляра (1864 г.), еслибъ онъ предвидѣлъ событія, такъ быстро за нимъ послѣдовавшія, что русскій канцлеръ энергически противился новому расширенію русскихъ владѣній въ Средней Азій. Но оказалось, что Россія была вовлечена тогда въ новыя экспедиціи такими мѣстными условіями, которыя совсѣмъ не зависѣли отъ ея расчетовъ, и что новыя ея пріобрѣтенія, вынужденныя силою вещей, не только не принесли ей никакихъ прямыхъ выгодъ, но еще и наложили на нее новыя расходы и тягости. Крайняя уступчивость циркуляра 21-го ноября 1864 года оказалась непримѣнимою на практикѣ въ виду вызововъ разнаго рода, обращенныхъ къ Россіи независимыми средне-азіатскими ханствами, и сила вещей влекла Россію къ подчиненію этихъ ханствъ. Англійское правительство, несмотря на опасенія общества и печати, стояло сначала на этой точкѣ зрѣнія. Въ 1865 году, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Россель, поручилъ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ заявить русскому правительству, что онъ вполне убѣжденъ въ фантастичности всякихъ опасеній относительно завоеванія Россіей британскихъ владѣній въ Индіи; но для успокоенія возбужденныхъ въ Англіи страстей, онъ желалъ бы предотвратить возможныя въ будущемъ недоразумѣнія, и предлагалъ русскому правительству обмѣняться дипломатическими нотами о взаимномъ положеніи Россіи и Англіи въ Средней Азій. Это ловкое предложеніе, которымъ лордъ Россель, очевидно, надѣялся сдержать Россію на будущее время, было отклонено въ Петербургѣ. Князь Горчаковъ отвѣчалъ повѣренному въ дѣлахъ Англіи, что не видитъ надобности обмѣниваться предлагаемыми заявленіями, что, относясь къ дѣлу со

стороны практической, онъ не понимаетъ пользы подобнаго обмена. Россія, прибавилъ князь Горчаковъ, уже заявила свои намѣренія относительно новыхъ ея пріобрѣтеній въ Средней Азіи, и потому новое заявленіе въ томъ же родѣ было бы излишне. При всемъ томъ, въ виду опасеній англійскаго правительства, ему было вскорѣ повторено, что Россія не имѣетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ въ Средней Азіи, никакихъ затаенныхъ мыслей. Кн. Горчаковъ нѣсколько разъ возобновлялъ представителю Англии увѣреніе въ томъ, что интересы торговли и необходимость оградить спокойствіе въ пріобрѣтенныхъ Россіей азіатскихъ владѣніяхъ останутся конечною цѣлью русской политики.

Насколько англійское правительство сочло себя удовлетвореннымъ этими заявленіями, видно изъ депеши министра остъ-индскихъ дѣлъ въ смѣнившемъ министерство лорда Росселя консервативномъ кабинетѣ, сэра Стаффорда Норскота, отъ 25 декабря 1867 года, на имя вице-короля Индіи. Давая послѣднему подробныя инструкціи объ отношеніяхъ Англии къ Афганистану, сэръ Стаффордъ Норскотъ писалъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Средней Азіи: «Правительство ея величества не видитъ никакой причины къ опасеніямъ или соперничеству по этому поводу. Завоеванія, уже совершенныя Россіей, и тѣ, которыя она, повидимому, еще дѣлаетъ въ Средней Азіи, представляются англійскому правительству естественнымъ послѣдствіемъ обстоятельствъ, въ какія она была поставлена, и не даютъ ни малѣйшаго повода къ замѣчаніямъ съ нашей стороны, вызываемымъ подозрѣніями и опасеніями».

Взятіе Самарканда и Бухары русскими войсками возбудило однакоже новыя вспышки недовольства и опасеній въ Англии, выразителемъ которыхъ явился авторитетный географъ и дипломатъ, сэръ Генри Раулинсонъ. Въ іюль 1868 года онъ составилъ для англійскаго правительства записку, проникнутую глубокимъ недовѣріемъ къ намѣреніямъ Россіи. Печать быстро распространила въ публикѣ его мнѣнія, изложенныя въ этой запискѣ, и г. Мартенсъ едва-ли ошибается, полагая, что она имѣла большое вліяніе на политику лорда Биконсфильда относительно Афганистана и Россіи. Основываясь на исторіи русскихъ завоеваній въ Средней Азіи, сэръ Генри Раулинсонъ доказывалъ, что дни трехъ независимыхъ государствъ ея — Кокана, Бухары и Хивы — уже сочтены, что Россія непременно хочетъ поставить свои аванъ-посты на Аму-Дарьѣ, что ея завоеванія въ Азіи серьезно угрожаютъ Англии. По словамъ ученаго автора записки, значительная часть англійской публики относилась сочувственно

къ успѣхамъ русскаго оружія, въ томъ предположеніи, что замѣна невѣжества, жестокости и анархіи фанатическихъ узбековъ порядкомъ, цивилизаціей и христіанскимъ правительствомъ можетъ быть только выгодна для Англіи. Многіе англичане заранее радовались будущему развитію торговыхъ сношеній съ Средней Азіей. Но эта точка зрѣнія совсѣмъ упускала изъ виду политическія соображенія. Въ Россіи, по мнѣнію Раулинсона, общественное мнѣніе обнаруживаетъ гораздо больше предусмотрительности и политическаго смысла, чѣмъ большинство публики въ Англіи и въ Индіи. Русская печать, утверждаетъ онъ, единогласно рѣшила, что успѣхи русскихъ войскъ должны быть если не опасны, то очень непріятны для Англіи. Англійское владычество въ Индіи еще не прочно настолько, чтобы можно было не опасаться внѣшняго нападенія. Покореніе Бухары должно доставить русскому вліянію преобладаніе въ Кабулѣ, а между тѣмъ Афганистанъ представляетъ совершенно исключительную важность для Индіи. Англія ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставаться равнодушной къ усиленію русскаго вліянія въ Афганистанѣ, гдѣ должна исключительно преобладать воля англійскаго правительства. Не одобряя политики тогдашняго вице-короля Ост-Индіи, сэра Джона Лауренса, которая считалась бездѣятельною, и находя нужнымъ учредить на сѣверо-западныхъ границахъ Индіи сильное и дружественное государство, онъ настаивалъ на необходимости подчинить Афганистанъ вліянію Англіи, не жалѣя для этой цѣли никакихъ расходовъ, потому что они, во всякомъ случаѣ, будутъ ничтожны въ сравненіи съ тѣми, какихъ могутъ потребовать впослѣдствіи дальнѣйшее расширеніе Россіи и усиленіе русскаго вліянія въ тѣхъ мѣстахъ. Россія, говорилъ онъ, уже обнаружила свои планы. «Слѣдя по картѣ за поступательнымъ движеніемъ русскихъ въ Средней Азіи, нельзя не поразиться сходствомъ этого движенія съ военными дѣйствіями, открывающими параллели противъ осаждаемой крѣпости. Первая параллель была заложена двадцать лѣтъ тому назадъ на пространствѣ отъ Каспійскаго моря, черезъ Оренбургъ и сибирскія степи, къ Иртышу. Это была обсерваціонная линія. Вторая линія, демонстраціонная, будетъ проведена отъ Каспійскаго моря черезъ Красноводскъ на Аму-Дарью, южнѣе Хивы, и по теченію Аму-Дарьи до Памирской равнины. Наконецъ, третья параллель пройдетъ отъ города Астрабада къ персидской границѣ до Герата и оттуда къ Аму-Дарьѣ, или черезъ Кандагаръ до Кабула. Тогда занятіе Мерва будетъ неминуемо; оно доставитъ Россіи и ключъ къ Индіи, и положеніе ея сдѣлается грознымъ.

Раулинсонъ заклиналъ англійское правительство своевременно принять мѣры противъ катастрофы, которая будетъ тѣмъ ужаснѣе для Англїи, что послѣдняя не пользуется расположеніемъ подвластныхъ ей народовъ. Онъ совѣтовалъ занять городъ Кветту, принадлежащій кабульскому эмиру, пополнить и развить сообщенія на афганскихъ границахъ, которыхъ стратегическое значеніе несомнѣнно. Для бѣльшей безопасности своихъ остъиндскихъ владѣній, англійское правительство обязано, по его мнѣнію, занять преобладающее положеніе и при тегеранскомъ дворѣ и освободить Персію отъ русскаго ига.

Почти всѣ эти мысли и предложенія, высказанныя Раулинсономъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, болѣе или менѣе приведены теперь въ исполненіе кабинетомъ лорда Биконсфильда. Городъ Кветта занятъ англійскими войсками безъ войны; недавняя война съ Афганистаномъ окончена установленіемъ новыхъ границъ между Индіей и этою страной и допущеніемъ англійскаго посольства въ Кабуль. Первая попытка воспользоваться этимъ послѣднимъ правомъ окончилась, какъ извѣстно, неудачей и трагической гибелью лицъ, составлявшихъ посольство; но за этой попыткой, конечно, послѣдуетъ другая и—если будетъ нужно—третья, подкрѣпленная англійскою арміей, и окончательный исходъ борьбы едва ли можетъ быть сомнителенъ.

Но прежде этихъ, еще очень недавнихъ событій, Англія была сильно встревожена расширеніемъ русскаго владычества въ Средней Азіи и пыталась положить ему предѣль. Съ 1869 года между Россіей и Англїей происходили дѣятельные переговоры по средне-азиатскимъ дѣламъ. Сначала, какъ это всегда бываетъ, думали избѣжать опасныхъ столкновеній искусственными мѣрами и дипломатическими ухищреніями. Въ 1869 году лордъ Кларендонъ обратился къ русскому послу въ Лондонѣ, барону Брунову, съ вопросомъ: какъ успокоить общественное мнѣніе въ Англїи и предотвратить осложненія между двумя правительствами? Лордъ Кларендонъ полагалъ, что установленіе нейтральной полосы между владѣніями Россіи и Англїи могло бы служить наилучшимъ средствомъ противъ столкновенія между ними. Русское правительство одобрило это предложеніе, и князь Горчаковъ уполномочилъ барона Брунова повторить англійскому правительству положительное увѣреніе, что Россія считаетъ Афганистанъ лежащимъ внѣ сферы русскаго вліянія, и что ничего похожего на вмѣшательство, противное независимости этого государства, совсѣмъ не входитъ въ его намѣренія. Лордъ Кларендонъ былъ, повидимому, удовлетворенъ этимъ увѣреніемъ, но

поручилъ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ заявить русскому правительству, что лондонскій кабинетъ не можетъ признать Афганистанъ нейтральною землею, потому что онъ не удовлетворяетъ необходимымъ для того условіямъ, и предложить Аму-Дарью, южнѣе Бухары, — чертою, отдѣляющею владѣнія обѣихъ державъ. Цѣль этого предложенія понятна: оно оставляло Афганистанъ въ полномъ распоряженіи Англии, дѣлая хивинское ханство нейтральною землею. Оно и не было принято Россіей. Баронъ Брунновъ отвѣчалъ лорду Кларендону, что Хива находится на югѣ отъ Аму-Дарьи, что Россія не можетъ признать ее нейтральною территоріею, такъ какъ въ подобномъ случаѣ хивинскій ханъ, не опасаясь болѣе Россіи, могъ бы безнаказанно продолжать свои вторженія въ русскія области.

Въ сентябрѣ 1869 года вопросъ этотъ оставался еще нерѣшеннымъ, когда состоялось свиданіе между княземъ Горчаковымъ и лордомъ Кларендономъ въ Гейдельбергѣ. Англійскій министръ вновь настаивалъ на необходимости создать нейтральную территорію между владѣніями обѣихъ державъ въ средней Азій. «Собственный опытъ Англии, — говорилъ лордъ Кларендонъ, — убѣдилъ англійское правительство, какъ трудно контролировать дѣйствія генераловъ, честолюбіе которыхъ не знаетъ границъ. Русское правительство можетъ быть поставлено въ такое же положеніе, и тогда столкновеніе между Россіей и Англійей будетъ неизбежно». Князь Горчаковъ вполне одобрилъ замѣчанія лорда Кларендона относительно безмѣрнаго честолюбія генераловъ и упомянулъ особо о генералѣ Черняевѣ; но, прибавилъ онъ, нѣтъ никакихъ причинъ опасаться чего-либо отъ генерала Кауфмана, вновь назначеннаго туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Лордъ Кларендонъ перешелъ затѣмъ къ вопросу о линіи разграниченія между владѣніями Россіи и Англии, и опять настаивалъ на линіи вдоль лѣваго берега Аму-Дарьи. Князь Горчаковъ опять отклонилъ эту линію, такъ какъ владѣнія бухарскаго эмира находятся и по ту сторону этой рѣки, а его ханство должно оставаться подъ вліяніемъ Россіи, и настаивалъ на признаніи Афганистана нейтральною территоріею. Собесѣдникъ его находилъ, что границы Афганистана не достаточно опредѣлены, что, поэтому, возможны столкновенія между нимъ и другими ханствами Средней Азій, а такіа столкновенія могутъ имѣть прискорбныя осложняющія послѣдствія.

Свиданіе это, повидимому, не имѣло практическаго результата. Соглашеніе между Россіей и Англійей относительно нейтральной полосы состоялось не въ Гейдельбергѣ, а въ Петер-

бургъ, въ концѣ 1869 года, при посредствѣ Дугласа Форсайта, присланнаго вице-королемъ Остѣ-Индіи, лордомъ Мейо, для дальнѣйшихъ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ. Приводимъ результаты этихъ переговоровъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были изложены впоследствии въ одной русской запискѣ, сообщенной англійскому правительству:

«1. Оба правительства воодушевлены одинаковымъ желаніемъ предотвратить, насколько это отъ нихъ зависитъ, всѣ поводы къ недоразумѣніямъ, которыя могли бы возникнуть вследствие недостаточной политической организаціи независимыхъ государствъ, извѣстныхъ въ географіи подъ собирательными названіями Афганистана и свободнаго Туркестана.

«2. Само собой разумѣется, что если доселѣ Англійи и Россіи случалось предпринимать военныя экспедиціи въ ту или другую часть Средней Азіи и присоединять къ своимъ владѣніямъ новыя области, то этотъ образъ дѣйствій ихъ вызывался силою мѣстныхъ обстоятельствъ и безусловною невозможностью поступить иначе.

«3. Такъ какъ при настоящемъ положеніи дѣлъ русскія и англійскія границы въ Средней Азіи не могутъ быть признаны неизмѣнными, то международное соглашеніе по этому предмету осталось бы безъ послѣдствій, и для достиженія удовлетворительнаго результата было бы всего лучше ограничиться возможнымъ опредѣленіемъ общихъ основаній политическаго равновѣсія для земель, отдѣляющихъ русскія владѣнія отъ англійскихъ въ Азіи.

«Вслѣдствіе этого условлено:

«1. Что земли, нынѣ состояція въ дѣйствительномъ владѣніи Ширъ-Али-хана, будутъ признаваемы границами Афганистана.

«2. Что этотъ эмиръ будетъ воздерживаться отъ всякаго вліянія или вмѣшательства за чертою этихъ границъ, и что англійское правительство постарается отклонять его отъ всякой наступательной попытки.

«3. Что русское правительство, съ своей стороны, употребитъ все свое вліяніе, чтобы воспрепятствовать всякому посягательству бухарскаго эмира на афганскую территорію.

«Эти начала, — прибавляетъ русская дипломатическая записка, — были вполне одобрены лондонскимъ кабинетомъ и генераль-губернаторомъ Остѣ-Индіи».

Между тѣмъ переговоры съ Дугласомъ Форсайтомъ вызвали впоследствии, со стороны позднѣйшаго министерства Дизраэли, протестъ англійскаго правительства. Въ 1875 году оно сообщило

с.-петербургскому кабинету меморандумъ (приложенный къ депешѣ лорда Дерби отъ 25-го октября 1875 года), по которому Форсайтъ не былъ уполномоченъ ни на возобновленіе переговоровъ о нейтральной полосѣ, ни на признаніе Афганистана такою нейтральною территоріей. Не имѣя въ своемъ распоряженіи другихъ дипломатическихъ бумагъ, кромѣ обнародованныхъ англійскимъ правительствомъ, г-нъ Мартенсъ отказывается рѣшить этотъ вопросъ. Но въ самомъ донесеніи Форсайта, отъ 2-го ноября 1869 года, упомянуто, что «князь Горчаковъ вполне присоединяется къ мнѣнію лорда Мейо относительно признанной «недопустимою» посылки какихъ-нибудь офицеровъ, англійскихъ или русскихъ, въ Афганистанъ». Посылая въ Лондонъ, 2 ноября 1869, докладъ Форсайта о происходившихъ въ Петербургѣ переговорахъ, англійскій посоль сообщалъ въ своей депешѣ, что онъ предварительно просилъ князя Горчакова прочесть этотъ докладъ и сказать, вѣрно ли переданы въ немъ мнѣнія русскаго правительства. Канцлеръ имперіи прочелъ вслухъ письмо Форсайта и нашелъ, что оно вѣрно передаетъ то, что было сказано во время переговоровъ, а слѣдовательно, и свидѣтельство Форсайта относительно посылки офицеровъ въ Кабуль. Между тѣмъ англійскій посоль, въ своей припискѣ къ вышеупомянутой депешѣ на имя лорда Кларендона, сообщалъ, что князь Горчаковъ не видитъ препятствій къ посѣщенію Кабула англійскими офицерами, «хотя онъ (князь) и условился съ лордомъ Мейо, что русскіе офицеры не должны этого дѣлать». Г-нъ Мартенсъ полагаетъ, что докладъ Форсайта, просмотрѣнный самимъ княземъ Горчаковымъ, представляетъ собою болѣе убѣдительное свидѣтельство, чѣмъ приписка англійскаго посла, особенно въ виду содержанія дальнѣйшихъ переговоровъ между Россіей и Англіей по дѣламъ Средней Азіи. Не оспаривая этого соображенія автора, мы думаемъ однако же, что если по второму пункту соглашенія съ Форсайтомъ англійское правительство обязывалось отелонять афганскаго эмира отъ всякой наступательной попытки противъ сосѣднихъ государствъ Средней Азіи, то оно не могло не имѣть для этого прямыхъ и постоянныхъ сношеній съ Афганистаномъ.

Но еще до этого протеста Англии противъ переговоровъ съ Форсайтомъ, въ маѣ 1870 года, англійскій посоль сообщилъ русскому правительству депешу лорда Мейо, который, основываясь на состоявшемся соглашеніи, предлагалъ опредѣлить границы владѣній афганистанскаго эмира на основаніи свѣдѣній, собранныхъ остъ-индскимъ правительствомъ. По мнѣнію лорда Мейо, всѣ области, которыми въ то время владѣлъ Ширъ-Али, должны

быть признаны афганскою территоріей. Въ виду того, что владѣнія Ширъ-Али на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, «повидимому, почти совпадаютъ» съ владѣніями его отца, Достъ-Магометъ-хана, генераль-губернаторъ Остъ-Индіи полагаель, что границы Достъ-Магометова царства могутъ вообще быть приняты за границы, отдѣляющія Афганистанъ отъ другихъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ государствъ Средней Азіи. Русское правительство, напротивъ, имѣло въ виду лишь границы современныхъ владѣній Ширъ-Али; но, прежде чѣмъ дать Англіи окончательный отвѣтъ, оно нашло нужнымъ получить отъ туркестанскаго генераль-губернатора обстоятельныя свѣдѣнія о тѣхъ малоизвѣстныхъ странахъ, о которыхъ шли переговоры. По этимъ свѣдѣніямъ, Аму-Дарья дѣйствительно составляетъ границу Афганистана, начиная съ своего притока Кухты до Ходжа-Салѣ. На сѣверо-востокѣ, границу земель, неоспоримо состоящихъ подъ верховною властью Ширъ-Али, составляетъ сліяніе Аму-Дарьи съ Кухтой. За этимъ предѣломъ, верховная власть афганскаго эмира уже не существуетъ. Такъ, области Бадакшанъ и Вакшанъ совсѣмъ не подчинены эмиру. Поэтому русское правительство настаивало на признаніи этихъ областей независимыми и, слѣдовательно, лежащими внѣ границъ афганскихъ владѣній. Англія, напротивъ, доказывала на основаніи свѣдѣній, собранныхъ остъ-индскимъ генераль-губернаторомъ, что Бадакшанъ и Вакшанъ всегда принадлежали кабульскому эмиру и нынѣ еще признаютъ надъ собой его власть. Въ виду такого несогласимаго разномыслія, одной изъ сторонъ приходилось уступить. Въ своей депешѣ отъ 17 октября 1872 года лордъ Кларендонъ предложилъ Россіи покончить этотъ безконечный споръ признаніемъ Бадакшана и Вакшана за составныя части афганской территоріи, и предложеніе это было принято въ Петербургѣ. Депешей отъ 12-го января 1873 года, князь Горчаковъ сообщилъ лондонскому кабинету о согласіи русскаго правительства на присоединеніе Бадакшана и Вакшана къ Афганистану и на признаніе независимости Афганистана въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Первоначальная мысль объ учрежденіи такой нейтральной полосы въ Средней Азіи, которая навсегда отдѣляла бы русскія владѣнія отъ англійскихъ, предотвращая столкновенія между Англіей и Россіей, была такимъ образомъ оставлена, и расширенный Афганистанъ съ тою же цѣлью признанъ государствомъ, раздѣляющимъ англійскія и русскія владѣнія.

Разумѣется, существованіе такого государства достигало бы предположенной цѣли въ томъ только случаѣ, еслибъ это госу-

дарство было искренно и торжественно признано нейтральнымъ. Но, сколько можно судить по обнародованной въ Англіи дипломатической перепискѣ, Англія не относилась серьёзно къ нейтралитету Афганистана, да и Россія относилась эту страну къ району англійскаго вліянія и точно также имѣла въ виду возможность подчиненія его этому вліянію, какъ и подчиненіе другихъ ханствъ Средней Азіи вліянію Россіи. При всей неясности и сбивчивости наличныхъ дипломатическихъ источниковъ, эта мысль проходитъ красною ниткой въ изложенныхъ нами переговорахъ между Россіей и Англіей по дѣламъ Средней Азіи, и никакія дипломатическія тонкости и натяжки не заслоняютъ ее отъ сколько-нибудь проницательнаго взгляда. Намъ кажется, поэтому, что г. Мартенсъ придаетъ слишкомъ большое значеніе этимъ тонкостямъ и натяжкамъ, полагая, что недавній походъ Англіи въ Афганистанъ и договоръ ея съ преемникомъ Ширъ-Али, подчинившій эту страну англійскому вліянію, обратилъ въ мертвую букву соглашеніе 1873 года между Англіей и Россіей. Соглашеніе это было недостаточно во многихъ отношеніяхъ, оно далеко не исчерпывало предмета, не выясняло его со всѣхъ сторонъ, и оставляло слишкомъ много простора заднимъ мыслямъ и уклончивости, чтобы держаться долго и имѣть серьёзное практическое значеніе.

Въ томъ же году была предпринята Россіей хивинская экспедиція, блистательно окончившаяся подчиненіемъ ханства русскому вліянію. Разумѣется, эта экспедиція и въ особенности ея результаты надѣлали много шума въ Англіи, гдѣ въ нихъ увидѣли прямое нарушеніе данныхъ обѣщаній, какъ-будто объ отнесеніи Хивы къ району русскаго вліянія не было и рѣчи въ прежнихъ переговорахъ между правительствами англійскимъ и русскимъ, какъ-будто Россія давала обѣщаніе не касаться хивинскаго ханства даже и въ томъ случаѣ, когда она будетъ вызвана на это дерзкимъ образомъ дѣйствій хивинскаго хана. Когда рѣшена была хивинская экспедиція, англійское правительство выказало величайшее безпокойство по этому поводу. Чтобъ успокоить его, графъ Шуваловъ былъ посланъ въ Лондонъ въ началѣ 1873 г. Онъ объявилъ лорду Гренвиллю, что Россія не только не желаетъ завладѣть Хивой, но что даны положительныя приказанія для предотвращенія этого случая и посланы инструкціи о томъ, чтобъ условія будущаго мира не допускали продолжительнаго занятія города Хивы. Несмотря на эти успокоительныя заявленія, договоръ съ хивинскимъ эмиромъ сильно раздражилъ общественное мнѣніе въ Англіи. Въ депешѣ отъ 7-го января 1874 года,

лордъ Гренвилль поручилъ англійскому послу въ Петербургѣ обратить вниманіе русскаго правительства на опасность, угрожающую сердечному согласію обоихъ правительствъ по поводу новаго положенія дѣлъ, созданнаго завоеваніемъ Хивы. Лордъ Гренвилль говорилъ въ этой депешѣ, что, по его мнѣнію, было бы не практично приступить къ подробному обсужденію вопроса о томъ, соотвѣтствуютъ-ли условія мира съ хивинскимъ ханомъ увѣреніямъ графа Шувалова; но онъ считалъ себя обязаннымъ передать русскому правительству опасенія, возбужденныя въ Афганистанѣ и въ Индіи распространившимися слухами о предстоящей русской экспедиціи противъ Мерва и тамошнихъ дикихъ племенъ. Лордъ Гренвилль предусматривалъ, что въ такомъ случаѣ эти племена могутъ быть вынуждены искать убѣжища на афганской территоріи, въ Гератской области, и тогда столкновение между Ширъ-Али и Россіей почти неизбежно. Въ виду возможности такого оборота дѣлъ, англійское правительство высказывало устами лорда Гренвилля надежду, что Россія серьезно приметъ къ свѣдѣнію опасности, вытекающія изъ подобной экспедиціи, и желаніе установить разъ навсегда, что независимость Афганистана составляетъ условіе, въ высшей степени важное для благосостоянія и безопасности англійскихъ владѣній въ Индіи и для спокойствія Азіи. Въ своемъ отвѣтѣ на эту депешу, писанномъ 21 января 1874 года, кн. Горчаковъ снова заявилъ, что русское правительство считаетъ Афганистанъ лежащимъ совершенно внѣ сферы его вліянія и дѣйствій. Но такъ какъ Мервъ находится за признанными границами Афганистана, то князь Горчаковъ не находилъ никакого правильнаго основанія притязанію англійскаго правительства — являться привилегированнымъ покровителемъ этого селенія, доселѣ служившаго прибѣжищемъ разбойническаго племени туркомановъ. Русскій канцлеръ прибавилъ, что отъ этого племени вполнѣ зависитъ жить въ согласіи съ Россіей, но если оно позволитъ себѣ вызывающія или разбойничьи дѣйствія противъ русскихъ, то Россіи по необходимости придется наказывать его.

Вскорѣ послѣ этой депеши, въ Англійи переимѣнилось министерство. Во главѣ кабинета сталъ Дизраэли, съ личностью и дѣятельностью котораго «Вѣстникъ Европы» недавно познакомилъ своихъ читателей. Лордъ Дерби былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ новомъ министерствѣ, лордъ Сольсбери — министромъ остъ-индскихъ дѣлъ. Съ этого времени совершенно измѣнился характеръ англійской политики на всемъ Востокѣ. Все, что только можно было сдѣлать противъ Россіи и русскаго влія-

нія въ Турціи и Средней Азіи, было сдѣлано Англійей съ 1875 года. По средне-азіатскому вопросу, послѣ заявленія князя Горчакова о полной свободѣ дѣйствій Россіи относительно Мерва, лондонскій кабинетъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ, безпрестанно дѣлалъ русскому правительству запросы о томъ, намѣрено-ли оно предпринять экспедицію противъ этого селенія. «Вице-король Остъ-Индіи и правительство метрополи, — говоритъ г. Мартенсъ, — выказывали трогательную заботливость объ этой, отнынѣ знаменитой, мѣстности. Герцогъ Аргайль свидѣтельствуется, что въ Англии любовь къ Мерву стала общею и глубокою страстью, и что отнынѣ подъ словомъ *mervousness* надо разумѣть очень прочную привязанность къ чему или къ кому-нибудь»¹⁾. Вотъ какъ характеризуетъ Мервъ тотъ же герцогъ Аргайль:

«Это — жалкое селеніе или по большей мѣрѣ несчастный городишко, состоящій изъ мазанокъ и ничѣмъ не защищенный, или защищенный только стѣнами грязи (*mad walls*). Это — разбойничье гнѣздо».

Въ своей знаменитой запискѣ, Раулинсонъ утверждалъ, что если Мервъ попадетъ въ руки Россіи, то ей будетъ открыта дорога въ Индію, и не будетъ уже возможности остановить движеніе русскихъ войскъ на Герать. Герцогъ Аргайль отвѣчаетъ на это мнѣніе, что двинуться на Мервъ совсѣмъ не то, что собрать тамъ армію для взятія Герата, который самъ Раулинсонъ признаетъ сильной крѣпостью. Но англійское правительство не раздѣляетъ мнѣнія герцога Аргайля: оно настаиваетъ на нейтралитетѣ или неприкосновенности Мерва, и не перестаетъ протестовать противъ движенія русскихъ войскъ къ этому пункту.

Въ 1875 году русское министерство иностранныхъ дѣлъ нашло нужнымъ подробно изложить въ особой запискѣ весь ходъ дипломатическихъ переговоровъ по средне-азіатскому вопросу. Записка эта, помѣченная 17-мъ апрѣля 1875 года, была сообщена лондонскому кабинету при депешѣ князя Горчакова. Г-нъ Мартенсъ приводитъ заключенія этой записки, не лишеныя интереса для нашихъ читателей:

«Изъ того, что мы неоднократно сообщали лондонскому кабинету, по собственному побужденію и дружественно, наши виды относительно Средней Азіи, и въ особенности наше твердое намѣреніе не слѣдовать тамъ политикѣ завоеваній и присоединеній, лондонскій кабинетъ, повидимому, заключаетъ, что мы приняли на себя по отношенію къ нему какія-либо опредѣленные

¹⁾ The Eastern Question, т. II, стр. 370.

обязательства въ этомъ смыслѣ. Изъ того, что событія вынудили насъ, противъ воли, до известной степени отступить отъ этой программы, лондонскій кабинетъ, повидимому, полагаетъ, что русское правительство не исполнило своихъ формальныхъ обещаній.

«Эти выводы не согласны ни съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, ни съ духомъ и буквой соглашеній, состоявшихся между обоими правительствами.

«Всегда подразумѣвалось, что оба они вполнѣ сохраняютъ свободу дѣйствій и оцѣнки обстоятельствъ относительно тѣхъ мѣръ, которыя вынуждаются ихъ собственной безопасностью.

«На этихъ основаніяхъ происходили совѣщанія съ г. Форсайтомъ, и было признано, что такъ какъ, при данномъ положеніи дѣлъ, границы русскихъ и англійскихъ владѣній въ Средней Азіи не могутъ считаться неизмѣнными, то международное соглашеніе по этому предмету осталось бы безъ послѣдствій».

Въ числѣ основаній, на которыхъ состоялось соглашеніе между правительствами русскимъ и англійскимъ, та же записка приводила слѣдующія:

«1) Антагонизмъ между обоими правительствами въ тѣхъ краяхъ былъ бы противенъ ихъ взаимнымъ интересамъ и той цивилизующей роли, къ которой они призваны каждое въ сферѣ своего естественнаго вліянія.

«2) Въ этихъ видахъ желательно сохраненіе между ними промежуточной полосы, предохраняющей ихъ отъ непосредственнаго столкновенія.

«3) Такую полосу составляетъ Афганистанъ, если его независимость будетъ ограждена отъ всякаго посягательства съ той и другой стороны».

Англійское правительство нашло нужнымъ исправить нѣкоторыя выраженія дипломатической записки, сообщенной ему русскимъ посломъ. Оно заявило, что понимало иначе переговоры о границахъ Афганистана и промежуточной полосѣ; оно приписывало величайшую важность тому, чтобы за нимъ была признана полная свобода дѣйствій относительно Афганистана во всѣхъ обстоятельствахъ и случаяхъ. Въ виду особеннаго значенія этой страны для англійскихъ владѣній въ Индіи, оно не желаетъ занятія Мерва русскими войсками. Эта мѣра неизбежно вызоветъ опасенія Ширъ-Али и, въ случаѣ вмѣшательства съ его стороны, столкновеніе между Россіей и Афганистаномъ будетъ неминуемо, а англійское правительство желаетъ всѣми средствами предотвратить такое событіе. Въ заключеніе своей депеши, лордъ Дерби

благодарилъ князя Горчакова за высказанное имъ увѣреніе, что русское правительство отнюдь не желаетъ расширять предѣлы своей территоріи ни со стороны Бухары, ни со стороны Красноводска и рѣки Атрека. Отвѣчая на эти заявленія депешей на имя графа Шувалова, въ февралѣ 1876 года, князь Горчаковъ повторилъ, что русское правительство, придерживаясь прежнихъ соглашеній съ Англіей относительно границъ Афганистана, который долженъ оставаться внѣ сферы русскаго вліянія, считаетъ поконченными прежніе переговоры о промежуточной полосѣ, какъ признанные съ обѣихъ сторонъ непрактичными; что оба правительства, сохраняя за собой полную свободу дѣйствій, будутъ временно сообразоваться каждое съ интересами и необходимостями другого, и по возможности избѣгать прямого столкновенія, а также и столкновеній между азіатскими государствами, состоящими въ районѣ ихъ вліянія.

Въ томъ же году Россія окончательно присоединила Коканское ханство подъ именемъ Ферганской области, и возбудила восточный вопросъ въ Европѣ. Съ своей стороны, англійское правительство отвергло знаменитый берлинскій меморандумъ и въ тайнѣ приступило къ попыткамъ подчинить Афганистанъ своему исключительному вліянію. Въ Индію былъ назначенъ новый вице-король, лордъ Литтонъ, пользующійся полнымъ довѣріемъ главы англійскаго министерства. Лордъ Литтонъ занялъ Кветту и открылъ переговоры съ покойнымъ Ширъ-Али, которые, какъ извѣстно, побудили его искать союза съ Россіей и принять русское посольство въ Кабулѣ. Опасаясь, что допущеніе англійскаго агента въ Кабулѣ положитъ начало полной зависимости Афганистана отъ Англии, и отлично зная, что всякая попытка Россіи водворить свое вліяніе въ Афганистанѣ вызвала бы самое серьезное противодѣйствіе Англии и что съ этой стороны онъ можетъ считать себя болѣе или менѣе безопаснымъ, Ширъ-Али въ то же время отказался принять англійское посольство. Враждебная Россіи англійская политика въ Турціи заставляла Россію предвидѣть возможность близкаго столкновенія съ Англіей, а въ случаѣ такого столкновенія, Ширъ-Али являлся союзникомъ, которымъ пренебрегать не слѣдовало. По мнѣнію герцога Аргайля, раздѣляемому и г. Мартенсомъ, переговоры Англии съ Ширъ-Али и поспѣшный разрывъ съ нимъ доказываютъ, что лордъ Литтонъ хотѣлъ заставить Ширъ-Али броситься въ объятія Россіи, чтобъ имѣть необходимый предлогъ къ войнѣ съ Афганистаномъ. Но это едва ли могло быть такъ. Въ предлогахъ къ войнѣ не оказалось бы недостатка, еслибъ война съ Афганистаномъ была тогда же рѣшена

Англией; хотя прежніе договоры ея съ Афганистаномъ формально освобождали эту страну отъ присутствія англійскихъ агентовъ, Англія все-таки могла настаивать на своемъ требованіи и принять отказъ эмира за объявленіе войны. Напротивъ, трудно предполагать, чтобъ англійское правительство, предвидя войну съ Россіей въ Европѣ, желало имѣть противъ себя въ Азіи не одну только Россію, но и ближайшаго сосѣда Индіи — афганскаго эмира. Въ такой войнѣ союзъ съ эмиромъ былъ для нея слишкомъ важенъ, и она, конечно, надѣялась добиться его, увѣряя эмира, какъ дѣлалъ это лордъ Литтонъ, что если эмиръ не желаетъ поспѣшить соглашеніемъ съ Англией, то соглашенія желаетъ Россія въ ущербъ эмиру. Къ тому же, въ Петербургѣ было извѣстно, что два англійскихъ капитана, Ботлеръ и Напиръ, путешествуютъ между туркоманами и другими тамошними племенами, побуждая ихъ къ вторженію въ русскія владѣнія. Само англійское правительство созналось въ обнародованной имъ дипломатической перепискѣ, что оно позволило одному турецкому эмиссару проѣхать черезъ Индію и Афганистанъ въ другія мусульманскія страны Средней Азіи, съ цѣлью поднять противъ Россіи мусульманское населеніе. Въ виду всего этого, союзъ съ Афганистаномъ долженъ былъ представляться ему гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ война съ этою страной, подкрѣпленной союзомъ съ Россіей.

Дальнѣйшія событія въ Афганистанѣ еще свѣжи въ общей памяти. Послѣ берлинскаго мира, русское посольство, отправленное передъ тѣмъ въ Кабулъ въ виду возможности полного разрыва съ Англией, было отозвано, англійскія войска открыли военныя дѣйствія, результатомъ которыхъ былъ договоръ съ новымъ афганскимъ эмиромъ, поставившій эту страну въ зависимость отъ Англии. Но русской публикѣ неизвѣстно, что въ концѣ прошлаго года Россія обратилась къ Англии съ вопросомъ, признаетъ ли она дѣйствительными прежнія обязательства, существовавшія между нею и Россіей. Маркизь Сольсбери отвѣчалъ на это графу Шувалову, что англійское правительство готово возстановить отношенія на основаніи актовъ 1875 года и предшествовавшихъ лѣтъ; но, по его мнѣнію, ни русская записка 1875 года, ни англійскій отвѣтъ на нее не содержатъ въ себѣ формальнаго обязательства о сохраненіи независимости Афганистана. Графъ Шуваловъ былъ, повидимому, противоположнаго мнѣнія; однако, лордъ Сольсбери увѣдомилъ русскаго посла нотой отъ 19 декабря 1878 года, что, по отозваніи русскаго посольства изъ Кабула, англійское правительство считаетъ всѣ взаим-

ныя обязательства относительно Средней Азіи восстановленными и вновь получившими обязательную силу.

Между тѣмъ, отношенія Англіи къ Афганистану совершенно измѣнились вслѣдствіе недавняго мира, и должны измѣниться еще больше послѣ катастрофы, жертвой которой было въ послѣднее время первое англійское посольство въ Кабуль. О нейтралитетѣ или полной независимости Афганистана теперь уже не можетъ быть практической рѣчи точно такъ же, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ не могло быть рѣчи о нейтралитетѣ или независимости Хивы или Кокана. Г-нъ Мартенсъ находитъ, поэтому, что новое соглашеніе между Россіей и Англіей теперь безусловно необходимо.

Мы не будемъ оспаривать это мнѣніе уважаемаго профессора. Соглашеніе между державами, которыхъ интересы сталкиваются болѣе или менѣе непріязненно, всегда полезно и желательно во избѣжаніе ужасовъ и невзгодъ войны. Но намъ кажется, что авторъ вообще придаетъ формальнымъ соглашеніямъ и тѣмъ словамъ, въ которыя они облечены, слишкомъ преувеличенную важность. Его собственная брошюра доказываетъ это какъ нельзя лучше. Переговоры и соглашенія между Россіей и Англіей по дѣламъ Средней Азіи было не мало въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, но они нисколько не помѣшали непріязненнымъ отношеніямъ между ними и породили гораздо больше недоразумѣній и дипломатическихъ уловокъ, чѣмъ практической пользы. Только сила вещей, только ясно сознанные интересы могутъ положить конецъ на будущее время тому нескончаемому и бесплодному препирательству, которое поддерживаютъ шовинистскіе инстинкты въ русскомъ и англійскомъ обществѣ. Русское общество должно же, наконецъ, заняться серьезно своими ближайшими, внутренними интересами. Ни Афганистанъ, ни Индія не нужны Россіи, необъятное пространство которой не оставляетъ желать ничего бѣльшаго въ этомъ отношеніи. Почтенный авторъ, повидимому, вполне раздѣляетъ это мнѣніе; но, издавая свою брошюру за границей, имѣя въ виду преимущественно западную публику вообще, и англійскую въ особенности, придаетъ много важности вещамъ, болѣе или менѣе безразличнымъ для современной Россіи. Тѣмъ не менѣе основная мысль его брошюры существенно полезна и для русскаго общества.

Вотъ эта мысль въ немногихъ словахъ.

Г-нъ Мартенсъ находитъ совершенно ложною самую точку отправленія переговоровъ между Англіей и Россіей по дѣламъ Средней Азіи. Цѣлью ихъ постоянно было предотвратить прямое

соприкосновеніе русскихъ владѣній съ англійскими, такъ какъ въ случаѣ такого соприкосновенія открытая борьба между Россіей и Англіей будто бы неизбежна. Отсюда переговоры о промежуточной полосѣ, какъ искусственной преградѣ къ столкновенію. Извѣстно, какъ бессильны подобныя искусственныя преграды противъ естественнаго напора интересовъ. Въ данномъ случаѣ безсиліе такихъ преградъ обнаружилось въ полной мѣрѣ, и теперь стало ясно, — къ сожалѣнію, для немногихъ только, — что прямое соприкосновеніе англійскихъ владѣній съ русскими въ Средней Азіи совсѣмъ не такъ страшно для обоихъ государствъ, какъ это казалось до сихъ поръ, особенно англичанамъ. Напротивъ, оно отнынѣ должно стать единственно-возможной практической и благоразумной основой полного согласія между ними. Когда это главное условіе согласія станетъ совершившимся фактомъ, остальные осуществятся гораздо легче. Г-нъ Мартенсъ относитъ къ нимъ убѣжденіе обѣихъ державъ въ той неоспоримой истинѣ, что борьба между ними въ Азіи была бы, въ послѣднемъ результатѣ, началомъ конца ихъ владычества въ этой части свѣта. Тотъ день, говоритъ онъ, когда Россія побѣдитъ Англію въ Средней Азіи, будетъ кануномъ паденія ея собственнаго авторитета въ тѣхъ краяхъ. Тотъ день, когда Англія одержитъ рѣшительную побѣду надъ Россіей, Индія будетъ на полу-пути къ своему освобожденію отъ англійскаго ига. Предположимъ, продолжаетъ г. Мартенсъ, что Англія объявила Россіи войну и избрала театромъ этой войны Среднюю Азію. Ея армія будетъ составлена главнымъ образомъ изъ индійцевъ. Всѣ индійскіе князья и правительства будутъ приглашены принять участіе въ этой экспедиціи, предпринятой, конечно, въ огромныхъ размѣрахъ. Если Россія потерпитъ пораженіе въ Средней Азіи, то азіатскіе союзники Англій естественно припишутъ себѣ всю славу и всѣ заслуги этой побѣды. Чѣмъ многочисленнѣе будутъ они въ экспедиціонной арміи, направленной противъ Россіи, тѣмъ больше убѣдятся индійскіе князья въ военной слабости англійскаго правительства и тѣмъ болѣе будутъ они склонны объявить самихъ себя настоящими побѣдителями русской арміи. Слѣдствіемъ таковой побѣды было бы сильное развитіе самосознанія у подвластныхъ Англій народовъ, котораго не доставало имъ доселѣ. Когда эта косная масса пойметъ свою силу и относительную слабость своихъ иноземныхъ владѣтелей, англійское владычество въ Индіи не продержится и нѣсколькихъ лѣтъ. Если, напротивъ, Россія предприметъ походъ въ Индію, если англійскія войска будутъ разбиты и туземное населеніе поднимется противъ англичанъ, то

не только исчезнуть послѣдніе слѣды англійскаго владычества въ Индіи, но и сама побѣдившая Россія оважется въ безъисходномъ положеніи. Вновь подчинить своему владычеству двухсотмилліонное населеніе, привыкшее повиноваться англичанамъ, было бы для нея такъ же трудно, какъ и справиться съ такимъ непомернымъ расширеніемъ ея государственной территоріи, не истощая своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ. Въ Азіи неизбежно образовались бы тогда независимыя государства, гораздо болѣе опасныя для Россіи, чѣмъ образованное и христіанское правительство, существующее нынѣ въ Калькуттѣ.

Если эти ожиданія г. Мартенса и могутъ показаться преувеличенными, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что съ упраздненіемъ государствъ, отдѣляющихъ нынѣ англійскія и русскія владѣнія и пользующихся своимъ промежуточнымъ положеніемъ, чтобъ извлекать изъ него разныя выгоды, подобныя соображенія невольно представятся и Россіи и Англии. Сдѣлавшись сосѣдями, онѣ должны будутъ придумать извѣстный *modus vivendi*, подобный тому международному общежитію, какое существуетъ между сосѣдними европейскими государствами. Владычество въ Индіи и вѣроятное преобладаніе въ Афганистанѣ дѣлаютъ Англию континентальной державой въ Азіи, и ей, какъ и Россіи, придется такъ или иначе уживаться съ своимъ сосѣдомъ, какъ уживается съ Россіей Австрія или Германія. Собственный интересъ и серьезныя послѣдствія разрыва заставятъ обѣ державы скорѣе помышлять обо всемъ другомъ, чѣмъ о войнѣ и новыхъ завоеваніяхъ.

Теперь, напротивъ, азіатскія правительства отлично понимаютъ непріязненное соперничество, разъединяющее Россію и Англию, и умѣютъ при случаѣ пользоваться имъ. Ширъ-Али и его министры не разъ высказывали вице-королямъ Остъ-Индіи, что имъ хорошо извѣстно, какъ важенъ Афганистанъ для защиты британскихъ владѣній. Эмиръ говорилъ, что англійское правительство должно защищать его отъ Россіи для огражденія собственныхъ земель. Оттого онъ требовалъ и получалъ отъ Англии много денегъ и боевыхъ запасовъ. Съ своей стороны, генераль-адъютантъ Кауфманъ писалъ князю Горчакову 17-го іюня 1870 года: «Есть основаніе думать, что возбужденіе, господствующее нынѣ въ ханствахъ Средней Азіи, прилегающихъ къ нашимъ границамъ, отчасти объясняется убѣжденіемъ, которымъ проникнуты народы этихъ странъ, особенно афганцы, что, рано или поздно, благодаря непримиримой и давней взаимной ненависти, русскіе и англичане должны столкнуться въ Азіи. Нѣсколько разъ это

убѣжденіе было высказано афганскимъ сердаремъ Абдуль-Рахманъ-ханомъ (племянникомъ Ширъ-Али и претендентомъ на кабульскій престолъ, бѣжавшимъ въ Туркестанъ), который настаивалъ на этомъ, желая убѣдить меня, что интересъ Россіи требуетъ, что онъ даже обязываетъ Россію помочь ему, Абдуль-Рахману, завладѣть Кабуломъ». Въ томъ же смыслѣ высказывались и многія англійскія власти въ Индіи.

Только прямое сосѣдство Англій и Россіи въ Средней Азіи можетъ положить конецъ всѣмъ этимъ интригамъ, плодящимъ поводы къ недоразумѣніямъ и раздраженію между государствами, интересы которыхъ требуютъ мира, мира и мира.

В. К.

